

Олег Янков

**Справа
от
Европы**

Олег Ярков

Справа от Европы

«Издательские решения»

Ярков О.

Справа от Европы / О. Ярков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907818-6

Если бы знал, что тебе преподнесёт жизнь, готовился бы к этому «подарку» с детских лет. Однако, многое происходит не тогда, когда готов к переменам, а когда происходит неожиданное.

ISBN 978-5-44-907818-6

© Ярков О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	30
Глава 4	48
Глава 5	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Справа от Европы

Олег Янков

© Олег Янков, 2018

ISBN 978-5-4490-7818-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

ПРИТЧИ НИКОГДА НЕ ЛГУТ. ЛГУТ ЛЮДИ, ГОВОРЯЩИЕ ПРИТЧАМИ.

Действительно, существует некое правило, по которому, большое событие, всегда начинается от маленькой побудительной причины. Беда в том, что событие не предмет, и очень редко удастся разглядеть ту отправную точку, которая послужила причиной лавинообразного изменения в жизни человека, или, даже, страны. Возможно, что в моей ситуации точкой отсчета послужило что-то иное, а не городок, в который я переехал. Но, вспоминая все произошедшее со мной, мысль формируется, отталкиваясь именно от этого городка.

Ничего примечательного в этом городке не было, за исключением того, что почти весь он стоял на нескольких старых кладбищах. Частые, необъяснимые автомобильные аварии, открытая или скрытая нелюбовь жителей друг к другу, по словам местных жителей, объяснялась именно кладбищенскими проклятиями. Как знать, может, в этом и была доля правды, но, точно, далеко не все происходящее в нём, можно было хоть как-то объяснить.

Внешне городок выглядел наполовину селом. Собственно, он изначально и был сельскохозяйственным поселением вокруг кирпичного завода, который, в свою очередь, давал людям работу, и выделял места под застройку. Постепенно увеличиваясь в размерах, городок позволил себе и многоэтажки, и собственный ОРС, на окраинах оставаясь обычным селом. Что-то было в этом городке от правильности, от той привлекательной уютности, которая сводит людей в одно место для совместного проживания. На 10—15 тысяч населения в городке проживали представители ста тридцати одной нации, представляете? Во многом городок походил на мини – страну. На его площади в три десятка гектаров, без учёта окружающих городок колхозов, было десять ресторанов, совхоз-техникум, автошкола, да, Господи, всё и не перечислить. Тогда, просто, жизнь в нём была.

Центральная улица Советская, действительно процветала в одноимённое время. Самые важные здания города теснились именно на этой, единственной, по-хорошему асфальтированной улице. Но, грянула независимость и городок, вместе с жителями, ещё несколько лет по инерции поддерживал своё благополучие и внешний лоск. А усиливающаяся борьба за эфемерную политическую стабильность, попросту выбила почву из-под ног всего городка. Завод стал чьим-то личным, дома и улицы стали благополучно хиреть до состояния хибар, а люди стали отдаляться друг от друга, озлобляясь и слёзно вспоминая прошлую жизнь, изредка перепиваясь в местном ресторане.

Городок тяжело дышал вместе с посеревшими от пыли деревьями днем, и от молодежи в вечернее время, когда она изнывала от желания взрослых утех. Стремление девочек к удачному браку, мотивировалось длиной юбок у семи – восьмиклассниц, и не детским выражением глаз у старых дев из выпускных классов. Юноши матерились и дрались вовсю, мечтая о классной тачке и бабле. Мотивировалось всё спиртным. Где-то так жила вся остальная страна, смело разделившись на строго обособленные касты. Первая была «переконана в прозорости» близкой счастливой жизни, а вторая была просто электоратом.

Веселость этих размышлений обдувалась мартовским вторником, выманившим меня на улицу повесткой из райотдела милиции. Никаких мыслей, по поводу вызова, у меня, не возникло, поэтому, тихое и спокойное безразличие к грядущему, приятно щекотало самолюбие. Вполне возможно, что отсчет событий начался с мальчишки на стареньком велосипеде, про-

ехавшем мимо меня. Ничего особенного в нём не было – довольно худощавый, на вид лет 12—13. Короткая стрижка натыкалась на торчащие уши, совершенно без румянца лицо говорило, наверное, об отменном здоровье. Одет был парень, как и основная масса его сверстников, во что-то, по их разумению, модное. Многократно отремонтированный велосипед постукивал правой педалью о раму. Но, запомнился мне парень старым выцветшим шарфом, повязанным на левую руку выше локтя. Цветом шарф напоминал рекламную раскраску одного мобильного оператора. Границы цветов потеряли чёткую делимость, но, тем не менее, шарф привлек моё внимание.

Покрутившись около меня, парень остановился, сполз на багажник, и уставился прямо мне в глаза. Он, просто, сидел и внимательно разглядывал меня. Поравнявшись с ним, и встретив его взгляд, я понял, что случайностью тут не пахнет. У него были совершенно взрослые глаза, глаза человека, уставшего от многого в жизни.

Дойдя до здания милиции, которое находилось под одной крышей с банком и аптекой, уже с меньшим безразличием я потянул входную дверь на себя. Стандартный интерьер милицейского предбанника делал понятным, кто станет моим первым собеседником. Им оказался молоденький лейтенант, тративший большую часть времени, отведённого на традиционные вопросы, на придание солидности своему виду. Когда весь ритуал благополучно был отыгран, меня запустили в коридор с дверями, за одной из которых меня что-то ожидало. Нашёл нужный кабинет и постучал. Посчитал до десяти, и потянул ручку на себя. Я прошёл уже на второй уровень, и ритуальные игры были здесь посерьёзнее. Невидимая граница – кто ты, и кто мы, ощутимо хлестнула по лицу. Пару минут я просто стоял около дверей, ожидая, когда трое мужиков попытаются заметить меня. Заметили, и подозвали поближе.

Двое из них могли быть директорами или дворниками, – стиль одежды и внешность соответствовали моим предположениям. Третий впечатлил меня особенно. Невысокого роста, в милицейской форме с лейтенантскими погонами и противным ожирением, он постоянно пытался добиться солидности в позе. Сидя на откидном кресле, взятом, видимо, в старом кинотеатре, он все время пытался закинуть ногу за ногу. Но, любая попытка, оканчивалась очередным провалом. Жирные ляжки попросту амортизировали любую возможность принять эту позу. Тогда он вцепился в брочину обеими руками, и втащил правую ногу на колено левой. Покраснев от натуги, лейтенант затих. Но, объём его живота, ставший уже патологическим изменением организма, сдавленный, кроме всего, руками, из последних сил удерживающих ногу, мог попросту привести к остановке дыхания. Поскольку, меня подозвали к столу, я решил на время отвлечься от наблюдений за самоистязанием.

Около стола состоялся очередной тур ритуальных игр в вопросы и ответы, после чего мне предложили сесть. Игра в вопросы продолжалась ещё пару минут. При этом я не мог сообразить, зачем этому, в гражданке, так много хочется знать обо мне, а он, в свою очередь, ничего не протоколировал.

Однажды я прочёл рекомендацию о том, как легко можно научиться контролировать свои эмоции. Надо было просто представить себе карету, запряжённую, допустим, четвёркой лошадей. Кучер, сидящий на козлах и держащий в руках поводья, мог сдерживать ретивость коней, или же дать им полную свободу. Получалось, что кони, – это наши эмоции, карета – это наше тело, а кучер – наш разум, контролирующий и то, и другое. Натягивая, мысленно конечно, поводья, в идеале можно было сдерживать свой гнев. В идеале. Поэтому увидев происходящее в кабинете, кучер ухватился за поводья и поудобнее уселся на козлах.

– Когда ты последний раз был в России?

Это был первый понятный мне вопрос

– Года три назад.

– Договоримся сразу. Ты, как мне кажется, нормальный мужик. Поэтому скажу прямо: всё я проверю. Это, пока, разговор, и всё зависит от тебя. Ты можешь пойти домой, или побудешь у нас, и разговор с тобой будет другим. Понял? Начинай с правды.

– Правда о каком периоде моей жизни вас интересует? Я закурю?

– Здесь не курят. Интересует...

На столе зазвонил телефон. Нехотя мой собеседник поднял трубку и, коротко кого-то поприветствовав, уныло уставился в окно. Разговор был недолгим.

– Я буду занят до вечера, поищи другого. Пока.

– Как мне к вам обращаться?

– Гражданин следователь! – это, подавшись телом вперед, властно сказал толстый.

– А вы, простите, кем будете?

– Это твой участковый, – сказал гражданин следователь.

Поводья у возницы натянулись струной, фальшиво зазвенев нотой фа третьей октавы. Но, похоже, кучер своё дело знал добре.

– Значит так. С гражданином вы тут поторопились. Это первое. Тыкать мне не надо. Это второе. И последнее. Вы мне задаёте конкретный вопрос, я даю конкретный ответ. А в свои викторины можете поиграть с мальчиком из дежурки. Он сумел мою фамилию из пяти букв написать шестью.

Я не уловил жеста, которым следователь остановил рванувшегося толстяка. Выпавшие из деревянных ограничителей кресла ляжки, с явным неудовольствием полезли обратно. Ему, видимо, хотелось показать свой нрав и власть, но, это, был не его кабинет, и не его игра. Мне показалось, что за это он отыграется на нас двоих. Он, видимо, хотел подыграть следователю, а его порыва не оценили.

– Договорились! – это заговорил третий. – Но, первое враньё, и ты – в жопе. Итак. Конкретный вопрос. Рейзбих Антон Дмитриевич. Где и когда познакомились, какие отношения и тому подобное. Достаточно конкретно?

Вот те раз! А, это ещё, кто такой? Я даже не знал, радоваться мне или уже пора собираться туда, где всегда темно. Вроде, всё нормально, так как с этим человеком меня никогда ничего не связывало. Или мне надо насторожиться в ожидании подвоха?

– Мне не знаком человек с такой фамилией. Среди моих родственников и знакомых нет человека, по имени Антон. Если вы скажете, где он живёт и как выглядит, то, может, что и вспомню, а так нет.

– Ладно, живёт в Воронеже, улица Стасова 27.Квартира 12.

– Я никогда не был в Воронеже, не был даже рядом с этим городом. А почему я должен его знать? Вы не...

БАХ!!! Сорвавшаяся с колена ляжка участкового, своим продолжением, обутым в форменную обувь, стукнула по дощатому полу. Не смутившись совершенно, он, не глядя в мою сторону, сказал:

– Продолжай... те, – и принялся истязать другую ногу.

– Да, в общем всё.

– Последний конкретный вопрос. Этого Рейзбиха замочили два дня назад. В его столе нашли конверт с надписью: «Вскрыть в случае моей смерти» и телефон нотариуса. У того была копия этого письма за подписью Рейзбиха. А вот в письме – бумажка с одной строчкой: «Сообщите такому-то срочно!» Такой-то – это ты, то есть вы. В наш отдел пришёл факс от воронежских коллег, с просьбой снять с тебя показания. В том письме был, кстати, твой адрес. Теперь ты мне скажи... Блин! Вы мне скажите, что мне им ответить? Терпила, мол, придумал от балды имя, фамилию, отчество, придумал адрес, заверил нотариально и попал в точку! Прикидаешь, попал!!! В его грёбанных придумках всё сошлось! В другой стране по такому адресу живёт точно названный перец, который, про это, ни хрена не знает! И я должен в это поверить? А что мне прикажешь ответить? Дай мне свой конкретный ответ!

Чем дольше следователь говорил, тем больше он заводился. Скорее всего, он не имел ни малейшего представления, ни о гужевом транспорте, ни о кучере с его вожжами. Но, вот возрастающая степень его гнева показала этого человека с другой стороны. Он не играл, и не врал. Что-то происходило на самом деле. Только, вот, понять, что именно, и почему он в этой ситуации был совершенно пассивной фигуркой, не получалось. И это здорово выводило его из себя. К нескрываемой радости участкового.

– Всё, что я сказал – правда. Я не знаком с этим человеком. В Воронеже никогда не был. На момент убийства был в городе – это проверяется. Бояться мне некого и нечего. По этому делу, я имею ввиду. А какие действия должны быть с вашей стороны, и что надо отвечать в подобных случаях – вам решать.

Следователь закурил, и посмотрел на участкового. Тот, наконец-то оставил в покое свои ноги. Взгляд следователя он понял по-своему.

– Тогда так. На сутки в хату. Я к прокурору. Не хер ему при мокрухе на воле делать. Придёт от москалей ответ, тогда будет видно.

Следователь курил и, молча, смотрел на участкового. Он, вроде, и не слышал ничего. Или это какая-то игра?

– Ладно. Какие планы на ближайший месяц?

– Я понял. Планов, по-поводу переездов, и дальних поездок, нет.

– Тогда дай мне свой номер телефона, а это мой. Я подумаю, что ответить. Ты, – тут он выдержал паузу, но исправляться на «вы» не стал, – по-первому моему звонку летишь сюда. Если что узнаешь, или вспомнишь – сразу отзовись. Хотя я тебе не верю, и отпускать тебя не стоило, но, ладно. Всё понял?

– Да.

Поднявшись из-за стола, я почувствовал, что мой кучер бросил поводья и устраивается поспать. Но, сегодня он в дозоре, и отдохнуть ему не дадут. Сделав пару шагов к выходу, я услышал:

– Э! Завтра в четыре ко мне в кабинет с документами. Я ещё не решил, что с тобой делать. Понял?

Глядя на его злое и, ставшее вдруг очень некрасивым, лицо, сама собой вспомнилась история трёхлетней давности. Однажды, весенним вечером, буквально, в пятнадцати метрах от работающего бара, был зверски избит парень. Били его трое, били самозабвенно. Били за отказ дать им мобильник. Устав, и добившись своего, бойцы разошлись по домам. Парень ещё был живой, аж, до утра. Он пытался доползти до помощи. Жильцы ближайшего дома нашли его утром, вызвали скорую, но.... Бойцов вычислили довольно скоро, но, взять, их, не получилось. Был объявлен розыск на всю «незалежность».

Главного «бойца» и заводилу взяли через год. Он, как и положено человеку его ранга, попался на мелочи, даже, на глупости. Следствие установило всё, что надо, нашли двух остальных, и от всех получили признание. Дело поехало в суд. Но, одна мелочь омрачала радость победы. Весь год розыска, главный боец жил в городе. Ходил в магазин, пил, иногда дрался. Вёл жизнь, не лишённую приятностей. И жил он на улице, параллельной к улице участкового. У них, даже, огороды соприкасались углами. Парень весь год был под носом. Практически, через забор. Дальше – больше прозрачности. На суде выясняется, что, у бойца, это, уже, третья загубленная душа. Но, суд не может разродиться началом – постоянно кого-то не хватает. Перескочив Божью троицу, четвертое заседание побило все рекорды издёвок над людьми. Финал апофеоза заключался в следующем. Вышедший, или вышедшая судья (это была дама), по фамилии Педоненко, бесцветным голосом вещает, что пропали папка дела, и все видеокассеты, записанные на месте проведения следственного эксперимента. Пропали из кабинета судьи. «Судебное заседание откладывается» – воркует судья, и элегантно бьёт судейским молоточком. В ошарашенной тишине раздаётся смачный звук пощёчины. ВСЕМ. Это воспоминание заставило кучера намотать вожжи на руки, и застыть в тревожном ожидании.

– Перебьёшься. Сено к корове, простите, к борову, не ходит.

Резко повернувшись, я вышел из кабинета. За тонкой фанерной дверью раздалось:

– На х... ты его отпустил?! Он же...

Больше, меня, ничего не интересовало. Я стремился к выходу. К свободе.

Незнакомое ранее чувство поджидало меня за дверями аптечно-банковой милиции. Всё окружающее меня состояло из, казалось бы, уже позабытых ощущений. Я, как будто снова, знакомился с миром. Потом, правда, радость нового мироощущения быстро угасала, но, это было потом. В первые мгновения ты любишь всё и всех. И разбитые тротуары, и запылённые деревья, местами подчищенные улицы, похожие скорее на молодящуюся старую исполкомовскую фурию. Нравится серое, тусклое небо, озабоченные прохожие, мальчишка с шарфом и на велосипеде, гадающие собаки... Стоп! Опять мальчишка.

Он сидел на багажнике своего велосипеда, как на коне. И, снова, его, совсем не детские глаза, рассматривали меня. Пройти мимо я не мог, да и интересно было, почему так часто сталкиваемся. Поравнявшись с ним, я спросил:

– Кого ждёшь?

– Тебя.

– В этом городке вежливости не учат? Ладно, дождался. И что?

– Тебе записка. Прочти, при мне.

– Вслух?

– Мне надо знать, что ты её прочёл. Для тебя это сложно?

– Давай.

Я стоял перед пареньком, и не мог никак сообразить – откуда вдруг нахлынуло ощущение, будто я смотрю на себя со стороны? Всё, как-то, не так. Глупая история в милиции, потом парень с дурацким шарфом тычет мне записку от кого-то незнакомого, и я, ещё, ведусь на условия прочтения. Может, плюнуть на всё и уйти? Но, мне казалось, что кто-то совершенно планомерно на что-то обращал моё внимание этим безликим пацаном, с его запоминающимся шарфом.

В записке была одна строчка: «Пожалуйста, дождись. Всё объясню»

– Прочёл и запомнил. Мне её съесть?

– Здесь, напротив, есть почта. Около неё есть скамейка. Иди туда. Придёт Андрей и всё объяснит. Это просьба.

– А мне обязательно туда идти?

– Ты же хочешь знать про Воронеж?

Слово «Воронеж» парень произносил, уже, сидя в седле. Даже, не взглянув на меня, он легко оттолкнулся ногой и, быстро набирая скорость, смотался. Я могу только представить себе, как глупо я выглядел в тот момент. Тогда, я понял истинный смысл слова «обалдеть».

От милиции до почты надо было пройти, буквально, сотню метров. Если бы на месте встречи уже был незнакомый автор записки, то, я, честно говоря, попросту, не был готов к разговору. Мне надо было, хоть как-то, собраться.

Легко сказать – собраться. Моя головная внутренность представляла собой громадную мусорную кучу. И дело не в том, что я никогда не отличался педантичной ухоженностью мыслей. Что-то произошло такое, что не позволяло мне сконцентрироваться, даже на чувстве освобождения от милицейского кабинета. Калейдоскоп различных мыслей от бредовых, до вполне разумных, от крошечных обрывков, до вполне сформированных, метался внутри черепа, стучась в височную кость в поисках выхода или осмысления. Так, что же мне не давало возможности ощутить теплую вязкость гаденькой мысли о том, что, при моём косвенном участии в деле об убийстве незнакомого человека, я остался не причём? Парень с запиской? Нет. Участковый? Нет. Следователь? Тоже мимо. Решётки, спертый воздух, унылый милицейский коридор? Что?

Глава 2

Только подойдя к скамейке, я начал избавляться от внутреннего дискомфорта. Слева от меня была почта, прямо – старый и тщательно неухоженный парк, справа – дорога, а за спиной – военкомат. Что общего между милицией и этой скамейкой? Атмосфера! Именно атмосфера! Вот что рассыпало мои мозги! Теперь их надо собрать снова, но, уже, по другой схеме. Старые представления и устои, которые культивировались с детства, как правильные, не дают адекватной оценки той атмосфере, в которую ты попадаешь, пусть, даже, кратковременно. Именно! Эта ядовитая атмосфера создана специально для унижения и укрепления, в тебе чувства раба. Чувства боязни, что, вдруг, ни за что, в течение пары минут, можно лишиться всего по прихоти неизвестного тебе человека. Которому, кто-то или что-то, всучило в руки ВЛАСТЬ. Безудержное стремление к власти и упоение властью, вот главнейшее двуединство страны на современном этапе. Я ещё раз оглянулся и увидел то, что осталось от разрушительного действия каждой ипостаси этой самой власти. Разваленные дома и улицы, разрушенные судьбы и жизни, страх перед старостью и даже перед завтрашним днём. Это была атмосфера страха и власти. Создаётся впечатление что, государство в такой схеме, уже переживает само себя. Оно потеряло власть над самим государством. Начинается новый старый виток феодальной раздробленности. Начинают плодиться мелкие князьки, неторопливо подминающие под себя земли и, живущих на ней, холопов. Позже, чуть окрепнув и, встав, покрепче, на ноги, захотят отделиться. Озаглавит такое отделение какая-нибудь полупровокационная и псевдонациональная идея. Я думаю, что такое начнётся ещё при моей жизни. Далее процесс пойдёт по проторенной схеме. Используя своих, уже, бесправных холопов, как способ отстаивания собственной правоты, князьки затеют междоусобицы. И демократически настроенные холопы, за возможную прибавку к нерегулярным выплатам, а то и просто за еду, будут митинговать и, даже, биться с себе подобными холопами соседнего князька. И, стоя поутру перед окном, и любуясь погожим днём, князьки холёными мордами будут наблюдать через бронированное стекло: а качественно ли холопы бьются за его идеи? Рассыпается страна как таковая. Жалко...

– Здравствуйте, я – Андрей. Это была моя записка.

– Здравствуйте. Я не брал вашу записку. Она осталась у малолетнего гонщика. Может, чем-нибудь компенсировать?

– Хорошая шутка. А вы не слишком трагично воспринимаете положение в стране?

Андрей вкратце пересказал мне то, о чем я размышлял. Для одного дня сюрпризов было достаточно.

– Если мне сейчас надо сказать, что я охренел от сказанного вами, то я – охренел. Это действительно впечатляет, но, вы сегодня удивляете меня не первый. Вы, случайно, не Мессинг?

– Нет, я не Мессинг. У меня есть просьба. Сегодня у меня очень мало времени. Поэтому, я хотел бы, вкратце объяснить происходящее. Если всё то, что я вам расскажу, вас заинтересует, мы встретимся с вами завтра. Хорошо? Теперь, ещё одно, так сказать, вне конкурсной программы. Чтобы вы получили более полное представление обо мне. Я сейчас кое-что напишу в блокноте... так, есть. Вот вам ручка и бумага. Напишите, пожалуйста, самое смешное, по вашему разумению, мужское имя.

Для меня устраивают представление, а я – без цветов. Ладно, напишу. Например, Акакий. Нет, это трагично, это не смешно. Пусть будет Афанасий. Точно, Афанасий, восемь на семь. Я написал это имя, убедившись, что он действительно не подсматривает.

– Готово. Что дальше?

Андрей молча протянул раскрытый блокнот, на странице которого было написано «Афанасий. Восемь на семь». Я понимаю то, что я ничего не понимаю. Это происходит не со мной, я всё вижу со стороны. Я не верю в очевидное, я соглашаюсь с невероятным. Я...

– Если у вас появилось желание выразить своё удивление, как медленное и неторопливое превращение в корнеплод, то не стоит. Это, я, и так вижу. Давайте перейдём на «ты»? Хорошо? Тогда, может, к делу?

– Может мне вообще не разговаривать?

– Не утрируй. В этом ничего сложного нет. Мне надо было изменить твою шутливость. Дело серьёзное, и у меня, действительно, очень мало времени. Я позже расскажу тебе всё, что тебя заинтересует.

– Хорошо. Я слушаю.

– Начну издали, так проще понять. Все люди, живущие на планете, на этой планете, определённым образом связаны друг с другом. Эта связь к прямому родству, или к связи, образованной двумя семьями после брачной церемонии, никакого отношения не имеет. Это другие отношения. Вот, представь себе, к примеру, озеро. Некто, на берегу, берет в руку горсть камешков, и бросает их в воду. От каждого упавшего камешка по поверхности воды начинают расходиться круги. Видел такое? Хорошо. Представь, несколько камешков упали достаточно близко друг от друга. Расходящиеся от них круги будут накладываться один на другой. Эти маленькие волны будут гаситься, и образовывать уже новые круги, по-другому распространяющиеся по водной глади. Понятно говорю? Хорошо. Некоторые камешки упадут дальше других, и круги от них никого не заденут. Ну, может, только, когда будут совсем угасать. Пройдя толщу воды, камешки опустятся на дно. Волны и приливы вынесут их на берег, и некто снова бросит их в воду. Одни и те же камешки в одном комплекте редко попадают в одну горсть для броска, но бывает. Теперь, уйдя от физики, скажу, что вода – это наша жизнь, наш приход на эту планету. Камешки – это мы. Круги – это та возможная связь, о которой я говорил. Это отношение и взаимодействие с окружающими. Когда мы умрём, нас вынесет на берег. Это происходит и долго, и часто. Это достаточно образно, но, так, доступнее. Хотя на самом деле... ладно, об этом потом.

– Или я совершенно туп, или мои круги и круги этого Рейзбиха наложились один на другой.

– А ты не такой предсказуемый, как я думал. Рассуждаешь ты верно.

– Дай мне за это конфетку!

– Ты её сам скоро возьмёшь. Идём дальше?

– Да.

– Насчёт тебя и Рейзбиха – правильно. Но, вы вступили с ним в связь, которая гораздо сложнее...

– Неужели мы с ним...

– Будь серьёзнее. Вы – как близнецы. Для какой цели вы собраны в пары, пока не важно. Действует нерушимое правило – вы никогда не можете увидеться, вы ничего не можете знать друг о друге. Но, связь между вами крепче, чем между прямыми родственниками. Соблюдается баланс противоречий – чем умнее один, тем, прости, сам понимаешь..., другой. Насколько один богаче и успешнее, настолько хуже материально живёт другой. Это Божий промысел и, нам, его, пока, не дано понять. В твоей ситуации мне много не понятно. Поэтому, мне надо будет кое-что предпринять, исходя из последствий случившегося. И, если мы попробуем вместе с тобой разобраться в этом деле, то помочь я тебе смогу только после чего-то уже произошедшего. Но, почему он... Ладно. Продолжим. Подробности такие: почему-то Антона убили, не в срок. Откуда он узнал о тебе?

– Извини, но частенько убивают не почему-то, и без срока. Какого срока?

– Об этом позже. Дело сегодня обстоит так, что мы не знаем, откуда он узнал о своей возможной смерти, и что он такого узнал, что ему пришлось обойти строгое правило? Мы не знаем, что он оставил для тебя в своих письмах у нотариуса. Они на твоё имя, и взять их можешь только ты. Антон был не простой парень, он очень многое разумно воспринимал, но что-то пошло очень не так. Мы только... ладно, потом. Наше предложение: мы едем в Воронеж. Там ты получаешь письма и смотрим, что делать дальше. По земным меркам тебе нечего бояться – ни милиции, ни бандитов. У тебя с ним не было общих дел, надо только получить письма. Мы будем тебя страховать всё время. По другим меркам, то, что он узнал, заставило его оставить информацию тебе у разных людей, которые, кстати, друг с другом очень не ладят. Он разделил информацию, понимаешь? Есть ещё много подробностей. Подумай, взвесь. Ты не похож на его близнеца, разве только...

– Ты уже не в первый раз обрываешь сам себя. Договаривай.

– Я пообщался с тобой и понял, что-то здесь сильно не сходится. Ты, по правилу, не можешь быть его близнецом.

– Вам стало жалко?

– Это – не то. Такой пример. Вон лежит пустая бутылка, видишь?

– Ну.

– Пожалуйста, не давай мне неопределённых ответов.

– Договорились. Вижу.

– Представь, что эту бутылку наполнили до половины водой, закрыли горлышко и положили. Представил?

– Да.

– Теперь, если взять бутылку за горлышко и приподнять, то...

– То жидкость стечёт в сторону доньшка.

– Верно. Что у одного близнеца уменьшается, то у другого увеличивается. А в вашей с Антоном ситуации бутылка не наклонена. Она просто вертикально стоит. Понимаешь?

– Да.

– А я нет. Если бы ты был близнецом Антона, то не смог бы окончить предложение о бутылке. Мозгов не хватило бы.

– Мне радоваться или огорчаться?

– Пока ни то, ни другое. Мне надо поговорить со Стариком. Мы сможем завтра встретиться?

– Сможем.

– Вот мой номер. Перезвони завтра, договоримся о встрече. Хотя, не нравится мне всё это.

– Наша встреча при свидетелях?

– Будь серьёзнее. До завтра.

Андрей поднялся, и скрылся за зданием почты. Я только что был на одновременном сеансе Кио и Копперфилда, практически, стал наследником богатого брата, был назван очень умным... но, хотелось бы, поточнее, знать свою роль в этом спектакле.

Итак. Вот я приеду в Воронеж-городок. Нет, то Самара-городок. Ну, не столь важно. Возьму конверты, передам Антону и... что дальше? Сяду в поезд и поеду обратно? Но, зачем, тогда, напускать столько тумана? С этим загадочным пацаном на велике, и с запиской, потом – Андрей со своим морем и камнями. А я, как ослик за морковкой, попрусь за тыщу километров полюбоваться на собственный развод. Но, с другой стороны, всё началось не с записки, а с милиции. А, им-то, чего передо мной выёживаться? А, если, это развод, то на что меня разводить? На деньги? Не смешно. На квартиру? Не тот случай. Или, что-то, только я могу сделать в этом славном Воронеже? И почему это случилось не в Париже? Не с моим счастьем.

Утром, следующего дня, после крепкого чая и пары сигарет, я позвонил Андрею.

– Привет! Я готов ехать и спасать воронежское человечество! Ты со мной?

– Ты зря думаешь, что все легко пройдёт. Извини, доброе утро! Мне хотелось бы, чтобы ты ещё здесь начал настраиваться на трудную поездку.

– Я имею интерес тебя спросить. Кто финансирует? Я не готов материально.

– О деньгах не думай, это мои заботы. А что это за стиль – «Имею интерес?»

– Так просто. Андрей, я вот чем интересуюсь. Вчера ты несколько раз повторил «мы». А кто мы?

– Это неважно совершенно. Или, я с тобой и помогаю тебе, или мы – врозь. Вот и всё.

– Какой хороший ответ! С таким успехом я мог бы задать вопрос самому себе.

– Давай приходи на вчерашнее место через час. Сможешь?

– Хорошо.

Андрей пришёл без опоздания, но, выглядел, не лучшим образом.

– Не выспался?

– Да, вроде, спал хорошо. Может, не уживаюсь с климатом?

– Ага, как мои вопросы и твои ответы.

– На сегодняшний день давай договоримся так. Я не хочу общаться с тобой в тёмную, но и вываливать на тебя всю информацию не буду – половину не поймёшь, половину забудешь. Всё будет происходить постепенно. Я буду тебе рассказывать то, что может понадобится уже завтра. Любой наш шаг будем обсуждать вместе. Это первое. Второе – тебе приходилось общаться во сне с людьми, которых ты не знаешь? Ты не можешь объяснить, кто они такие, ты их просто знаешь, и всё. И вопрос идентификации, этих знакомцев, во сне тебя не беспокоит, правда? Это – ситуация сна. На самом деле ты общаешься со знакомыми тебе людьми, просто, ты их забыл на время нахождения на этой планете. Постарайся сейчас перенести эту ситуацию сна на бодрствование, и не задавайся вопросами, разрешение которых только уводит тебя в сторону. Китайцы говорят: «Не думай, чувствуй!»

– Ладно, на этом этапе меня устраивает такой ответ.

– Не хочу тебя рассердить, но, произнесённая тобой фраза, лишена в данное время, и в данной ситуации, всякого смысла. Что значит, устраивает, или не устраивает? Устраивает – это частичное принятие предложения, предусматривающего наличие оговорок и, возможных, исправлений, принятие, которых, способно предварительное соглашение свести на нет. Есть вещи и понятия, которые не зависят от того, устраивают они кого – либо, или нет. Они просто существуют и всё. Например, другая жизнь вне земных условий. Эти понятия надо либо безоговорочно принимать, либо нет. Любая попытка их осмыслить напрасна.

– Ну, извини, что я такой тупой.

– Ты слушаешь, но не слышишь. Объясни мне, пожалуйста, что в твоём понятии отсутствие времени или пространства?

– Придёт срок, и ты будешь этим пользоваться постоянно, не утруждая себя рассуждениями о природе этих явлений. Но, на Земле ты этого не поймёшь, даже если будешь об этом говорить всё время. Надо многое принимать к сведению, как готовый продукт, а некоторые вещи надо чувствовать.

– Я понимаю, что ко многому мне придётся привыкать по-новому.

– Это – правильный подход. Постепенно понимая, ты достигнешь большего, чем механически заучивая.

– Последний вопрос, и я займусь понимательством.

– Ты неисправимый болтун.

– Я проигнорирую твоё замечание.

– Спрашивай.

– Поподробнее о близнецах. Можно?

– Не всё объясняется словами, тем более, когда разговор идёт о Божьем промысле. Попробуй слепому от рождения объяснить, что такое снегопад? Не просто рассказать, а добиться того, чтобы он понял. Сможешь? Вряд ли. А, вот, попав под снегопад, и сопоставив свои ощущения и твои объяснения, незрячий человек сможет для себя выработать своё собственное понятие. Я это говорю к тому, чтобы ты был готов не полностью понять всё то, что я говорю. Но, со временем, появившийся у тебя опыт, даст тебе возможность просто и понятно осознать и принять то, что непостижимо для тебя сегодня.

– Не думай, а чувствуй, да? Я ничего не чувствую. Я тупею.

– Я попробую дать направление, в котором постараюсь подвигать свои чувства. Ты Евангелие хорошо читал?

– Наверное, не так хорошо, как должен был.

– Там Иисус говорит, что от Бога есть только два слова – «Да» и «Нет». Это и притча, и подсказка, и объяснение. Смысл огромен. А в Даосских практиках употребляется «Янь» и «Инь». В обоих случаях это объединение противоречий, и разъединение общего. Сейчас мы столкнулись с материальным воплощением этих невозможностей. Представь, что живёт себе простой католик. Его вера и благочестие поднимают его на высший земной сан. Служа вере и, становясь примером для мирян, этот человек получает пулю. Рана не смертельная. Стрелявший, если ты понял, был близнецом. Это – Папа Иоанн Павел второй и Агджа. Являясь антиподом Иоанна Павла, Агджа постоянно опускался вниз, ровно настолько, насколько поднимался к Богу Иоанн Павел. Жизнь Агджи превратилась в обиду на всё, что есть на земле. Он считал, что мир обязан ему всем только потому, что он родился. Папа уже мог исцелять людей, это правда, а Агджа вплотную приблизился к сатане. И случилось то, что случилось. Покушение. Но, по закону, такое деяние карается смертной казнью. А находящегося в руках сатаны, Агджу, уже нельзя было убить обычным, земным способом. Он стал, уже, не совсем земной. Представь волну, которая могла бы подняться, когда казнь не умерщвляет человека.

Папа Иоанн сделал мудрый, и единственно возможный, поступок. Вопреки канонам и правилам, он идёт в камеру к Агдже и просит у него прощения, прощая, тем самым, его. Так срабатывает связь между близнецами. Один, падая в бездну, возносит другого. Один жертвует своей жизнью, давая другому шанс стать великим. Не понимая сути вещей, а, только поверхностно осуждая ближнего, нельзя разглядеть истинного подвига павшего.

– Другими словами, в случае убийца и убитый, ещё не всегда понятно, кто настоящая жертва.

– Ты дошёл до этого только благодаря пониманию, а не подсказке. Теперь я меньше расстраиваюсь из-за тебя. Что-то ещё хочешь услышать, или подождёшь до завтра?

– Тогда, до завтра.

Теперь пришло время рассортировать всё то, что общей кучей было свалено в голове. Что я теперь знал? Ровно столько, сколько и до встречи с Андреем. Конечно, проблески каких-то пониманий возникали во время его рассказов, но, это больше походило на глядение в воду, поверхность которой затянута ряской. Андрей рукой разгонял эту плёнку, и вода становилась прозрачной. Но, не надолго. Чем сложнее был его рассказ, тем ухудшалось понимание. Но, не буду же я всё время ждать, когда мне будут расчищать поверхность воды. Самому хотелось бы смотреть и видеть, и слышать, и думать, и понимать. Вот если бы за это ещё платили.

Стоять! А что такого интересного мне пришло на ум, когда Андрей говорил об убийствах? Что-то я хотел расспросить? А... да, вот. Если близнец, опустившийся на моральное или социальное дно, идёт на убийство, то и убить он может, или должен, тоже одного, правильно? Тогда, по схеме этих невидимых связей, убийца и убитый – близнецы. Но среди убийц есть и передовики производства, Чикатило, например. Это же не его близнецы, я имею в виду его жертв. Тогда, есть либо два варианта объяснений, либо ряска затянула водную поверхность полностью. Вариант первый. У серийного убийцы произошёл сбой программы, и его развитие вернулось в фазу животного, что-то, вроде, гиены или шакала. Либо он устранял чьих-то близнецов, которые могли бы перетянуть на себя успех и деньги своих половинок. По принципу уровня воды в лежащей бутылке. Нет слабого близнеца – и сильному достаётся и, неиспользованный остаток его здоровья, и его гроши. Вроде стройная мысль. Только, кто заказывал маньяку? Голоса? Это психиатрия. По наитию? Очень вряд ли. Скорее всего, есть третий вариант, самый очевидный и простой, а я его пока не вижу. Чем дольше я размышлял об этом, тем дальше уходили в сторону мои мысли. Даже ночью мне приснились какие-то растянутые, как жвачка, эластичные нити. Они выходили из моей головы и, расходясь во все стороны, терялись где-то в пространстве.

Утро прошло в обычных сборах в поездку. Миниатюрная, с точки зрения челноков, дорожная сумка через плечо, втиснула в себя туалетные принадлежности и блокнот книжного формата. Книгу для чтения брать не стал. Могло, просто, не хватить на чтение времени.

Приехал на вокзал за полчаса до отправления Московского поезда. Не найдя Андрея в помещении вокзала, я отправился прогуляться по перрону.

Теперь мне вокзальная жизнь уже не казалась такой суматошной, какой выглядела прежде. Постоянно обновляющиеся пассажиры, производили одни и те же запрограммированные движения. В одних и тех же местах они торопливо сталкивались сумками, так же торопливо извинялись, не обращая внимания друг на друга и на извинения. Милиция, степенно

прогуливаясь по перрону, цепко выхватывала из толпы тех, кто не попадал в обыденный ритм пассажирских движений. Все остальные впечатления остались без изменений, – запахи, ленивые грузчики и пояснительные надписи на синих досках.

Андрея я увидел около газетного киоска, стоявшего в тени.

– Привет!

– Добрый день. Паспорт не забыл?

– Нет.

– Вот билеты. Ты поедешь в купе один. Я буду в другом вагоне. Попозже зайду.

Я взял два билета, которые он положил на газетный прилавок. Это были билеты в купе СВ вагона и оба на моё имя.

Дальнейшее происходило по положенному поезвному тарифу: «Ваши билеты. Будете один? Давайте за постель. Чай, кофе?» Вскоре поезд тронулся, отталкиваясь от здания вокзала. Набирая скорость и, хватаясь за столбы электропередач, поезд с видимым неудовольствием увозил меня подальше от спокойной жизни, которая, уже, сейчас, стучала ностальгической жилкой по виску. Неизвестность особенно не пугала, просто не радовала неожиданная перемена в жизни.

Минут через сорок пришёл Андрей. Деловито осмотревшись в купе, он пристально посмотрел в окно, как будто опасался подсматривания.

– Что тебе надо знать в первую очередь? М... Антона убили выстрелом, скорее всего из пистолета. Пуля вошла точно в сердце, даже не зацепив ребро. Такое впечатление, что стреляли, хорошо прицелившись в неподвижного человека. Думаю, что тебе надо сходить в морг, попытаться разговорить кого-нибудь из санитаров. Они замечают гораздо больше, чем пишущие заключения анатомы. Далее. Вечером созвонишься со следователем, ведущим дело. У него есть к тебе разговор, хотя, и не должно быть. Это то, что тебе надо выполнить без дополнительной информации. После разговора со следователем, сбросишь мне сообщение о том, что ты освобожден. Я подъеду в гостиницу. Это всё. Теперь текущие проблемы. В Москве сядешь на метро и поедешь на автовокзал. Подойдёшь к справочному бюро и представишься. Тебе передадут конверт. За это оставишь в справочном рублей двести. Не забудь! В конверте будут билеты на автобус до Воронежа, номер телефона, по которому свяжешься со мной и записка, о бронировании номера в отеле «Русь.» В конверте будут и деньги. Ты можешь шикануть, и нанять такси до Воронежа, но, не советую. Автобусом спокойнее. На автовокзале ничего не ешь, и не пей. Продукты не покупай. Перекусишь на первой остановке. Будете стоять минут двадцать пять, времени хватит. В Воронеже, сразу по приезду, поселишься в отель. Можешь выпить, но, лучше не надо. Это все рекомендации.

Я слушал очень внимательно, но, и не менее внимательно, смотрел на Андрея, а он, не отрываясь, глядел в окно. Мне показалось, что он смотрел на оконное стекло. Его зрачки совсем не реагировали на проплывающие мимо деревья и столбы. Мне вспомнились подробности наших предыдущих встреч. Он совершенно не жестикулировал. Даже сейчас, за все время своего монолога, он не подкреплял свою речь жестами. Он ни разу не изменил позу. И я не был

готов утвердительно сказать, шевелил ли он губами при разговоре, хотя разговор закончился меньше минуты назад. В этот момент, как будто в опровержение моим мыслям, потянулся, провёл рукой по волосам и с хорошей артикуляцией проговорил:

– Может быть, хочешь спросить о чём-нибудь? Времени у нас достаточно на длинную беседу.

В дверь купе постучали. Не интересуясь моим ответом, вошла вторая проводница. Не скрывая восхищения, я принялся её разглядывать. Гренадёрского роста и крепчайшего телосложения. Её лицо выражало властную вежливость, как бы говоря, – пока ты вежлив, насколько меня это устраивает, настолько спокойно ты будешь ехать в МОЁМ вагоне. И никаких отступлений от правил!

Униформа на проводнице сидела хорошо, аккуратно обходя местами спадающей тканью неровности её фигуры. Атлетического телосложения бюст не позволял прочесть её имя на бейджике. Находясь на клапане кармана, он попросту лежал параллельно земле. Я даже привстал, чтобы прочесть имя обладательницы этих монументальных форм. По-моему, глаза мои ввалились, как хотели. На бейджике было написано «Сердюк Вера Михайловна». Как бы вы поступили на моём месте, прочитав такое? Вот и не верь потом в переселение душ. Вера Михайловна протянула мне миграционную карту для заполнения и спросила: «Кофе?» Её голос соответствовал её внешнему виду. Скажи она мне тем же голосом: «Застрелись!» – через секунду я был бы уже на небесах. Крепка страна своими дамами! На Андрея она даже не взглянула. Видимо, она профессионально хорошо запоминала пассажиров своего вагона, чтобы обращать внимание на пришлых. Получив от меня просьбу о чае и, если возможно, покрепче, она удалилась. Вера Михайловна прекрасно видела моё удивление, и это её даже веселило. Я был не первым, кто обмирал при её виде. Будет что рассказать. Взяв ручку, я принялся заполнять миграционные карты. Вагон так лихо швыряло из стороны в сторону, что процесс заполнения напоминал тренировку в разведшколе из фильма «Щит и меч». Кое-как написав фамилию, я оставил это занятие до ближайшей остановки.

– Вот интересная штука. Приходит к управлению страной некто и говорит: «Я знаю, что раньше было плохо жить, знаю, кто во всём виноват. Теперь я сделаю хорошо». А хорошо – это граница, разорвавшая семьи и родственников, таможня, которая обыскивает обычные сумки и пропускает тонны наркотиков. И сложности этих структур можно обойти простой взяткой! И всё! Кучу бюджетных денег потратили на организацию таможни. Не меньшую сумму угробили, на придумывание этого бредового закона, который заставляет меня писать эти бумажки и тратить на регистрацию почти всё своё время пребывания в другой родной стране! А ни граница, ни законы не действуют! Потому, что просрочив своё пребывание, согласно миграционной карте, и став уличённым и, почти, арестованным за это, можно откупиться и ехать домой спокойно. И всё! Неудобства созданы, доход таможенников обеспечен. А в чем выражается улучшенность положения в стране? Слушай, а разве не могут таможенники отстёгивать наверх часть собранной мзды? Могут. Теперь основное непонимание. Это действительно закон или узаконенный способ подзаработать? Я часто пытаюсь отстраниться от всего, чтобы попробовать со стороны взглянуть на происходящее. Тупым себя не считаю, но, и понять не могу! Что такое происходит? О благополучии страны речи не идёт, значит, дело в другом. Обычное стремление к деньгам и власти? Тогда почему СМИ и политологи разной степени говорливости даже не намекают на такое? Я же не могу один это видеть и понимать? Тогда, людям или комфортно в таком положении жить, или у них нет другого выбора. Выходит, что коллективный разум народа спит. А сон разума порождает чудовищ. И в условиях повышенной демократии

народ банальным способом вымирает в этом же сне. Что из происходящего я не осмысливаю? Ведь ничто не идет к улучшению?

Андрей смотрел на меня как на маленького ребёнка, который не понимает, почему его игрушечный самолёт не летает, как настоящий.

– Андрей, почему я не могу так ясно сформулировать свои мысли? Почему я не могу объясниться без матерного подтекста? Меня заводят эти размышления так, что я, даже слюной начинаю брызгать.

– Вряд ли народ сам по себе сможет выжить, я не говорю уже о том, чтобы стать более разумным. Проходя определённые стадии в развитии, примерно, как от куколки до бабочки, так от человека до руководителя, происходят необратимые процессы в сознании человека. Мало того, что человек поразительно, до неузнаваемости меняется в пограничных ситуациях. Маленький пример. Находясь в одиночестве, каждый отдельный индивидуум остаётся вполне нормальным человеком. Но, попадая в толпу и руководствуясь её инстинктом, может стать зверем. Хотя, толпа и состоит из одиночек, которые порознь нормальные люди. Не знаю, к счастью или нет, но такие перемены не долгие, а качество их зависит от степени глупости, совершённой в толпе. Но, в любом случае, качество и продолжительность этих изменений ничтожно мала по сравнению с изменениями в человеке-руководителе. Я сейчас не хочу говорить о последствиях глупостей толпы. Но, ведь кто-то меняет сознание толпы и сознание человека? И меняет под свой интерес, и помимо воли самого человека. Под чьим-то заинтересованным руководством, самим человеком создаётся искусственная мораль, которая, в конечном счёте, бесконтрольно развиваясь, способно свести разумную жизнь народа на нет. А искусственные законы, под тем же руководством, оправдывают стирание этого народа с лица земли.

– Ты пока развиваешься, а это значит, что ты начинаешь злиться при одной мысли о каком-то факте, не утруждая себя понять причину появления этого факта. Я пытаюсь направить тебя по верному руслу, но ты старательно упираешься. Позволь твоему рассудку просто принять услышанное. Понимание придёт само. Я продолжу?

– Извини, я слушаю.

– Чем чаще происходит смена руководителей, тем больше человек деградирует на пути от хомо сапиенс до отдельного кабинета, тем дальше отходит человечество от понимания правдивых законов, по которым оно живёт, но, которые, старательно переписываются новыми кодексами. И заметь, только под свой интерес. Человек-руководитель, получив должность, пусть даже выборную, моментально ассоциирует себя с единственно правильно думающим властителем. Это ему решать как, кому и что думать, а главное, как и кому жить. Это ошибка. Даже на самой высокой должности такому человеку не следует забывать, что он всего лишь первый среди равных себе.

– Нет, наши наверху – это божьи посланники. Самодовольные и самовлюблённые персоны высшего порядка.

– Такие руководители были всегда, ни один строй без них не мог обойтись.

– Общие условия, которые ты мне предлагаешь, не совсем понятны. Наука развивается, последующие поколения умнее предыдущих, а руководство застыло на точке замерзания.

И при этом учит меня жить. Дайте мне пять тысяч долларов зарплаты, и я сумею поучать других, тем же набором слов из их лексикона.

– В одном фильме я услышал интересный диалог. Беседуют мужчина и женщина. Мужчина собирается на охоту и не может подобрать себе соответствующий костюм, потому что приглашён на охоту высокими людьми. Жена спрашивает:

– На кого будете охотиться?

– Вроде, на оленя.

– Значит, тебе просто надо потешить свой инстинкт охотника?

– Ну, не совсем. Там будут большие люди, нужные знакомства, новые контакты. Это, ведь, меня пригласили. Я не напрашивался.

– Послушай. Раннее утро, лес ещё не проснулся, оленю захотелось пить. Он подошёл к реке и своими трепетными губами ласкает водную гладь. И вдруг – БАХ!!! Чья-то пуля разносит ему череп. Так какая разница оленю, во что одет тот ублюдок, который его убил?

– По – моему, замечательная сцена.

– Да, и мудрая. Иногда иносказательно высказанная мысль нагляднее, чем многочасовые разговоры ни о чём. Я думаю, поэтому Иисус и говорил притчами. Мало кто проходит жизненный путь, так и не задавшись вопросом о смысле своей жизни. Люди давно живут с этим вопросом, а сам вопрос живёт ещё дольше. У каждого поколения свой герой, дающий ответ на этот вопрос. В истории глубочайший след оставил Иисус. Но, там же, в Израиле, за сотню лет до Иисуса появился другой еврей, поднявший восстание против Рима. Полная противоположность морали Иисуса. Большая часть населения Израиля была вырезана в ходе этого восстания. Оставшиеся в живых евреи решили, что этот воин и есть Мессия, а не Иисус. Для каждого есть и свой герой, и свой ответ.

– Я не читал никогда об этом. А как его звали?

– Его звали Симон Бар-Кохба. Я об этом упомянул только ради примера в разговоре о смысле. Каждый придумывает ответ для себя, но, некоторые, придумывают его для других, то есть дают универсальное средство. А его нет. Универсального нет. До него надо дойти каждому самостоятельно, поскольку этот ответ не сложный. Я не стану озвучивать его. К этому ответу надо подойти не по указке такого же, как и все, но ставшего руководителем, но, также как и все, не потрудившегося найти ответ. Надо подойти в одиночестве. Не зря мы живём все вместе, а умирает каждый в одиночестве. Поэтому и думать надо не толпой. Если я попробую осовременить диалог из фильма, то можно поставить вопрос таким образом, – если множество людей не могут понять в чём правильность и смысл их жизни, то какая разница, будет ли новая конституция написана под руководством человека, так же не знающего ответа на главный вопрос? И какая разница, как будут звать этого руководителя? Ведь эти законы и всё человечество, и отдельного человека только уведут в сторону от главного.

– Ты мне намекнёшь, а?

– До главного закона ты не дорастёшь, даже с подсказкой. Всё надо начинать с простого. Расскажу тебе пока о простейшем законе, хотя надо очень много сделать внутри себя, чтобы он стал нормой в жизни. Это закон зеркала.

– Это, как закон о резинке от трусов. Как её не растягивай, она, сволочь, всё равно порвётся и больно ударит.

– Этому человеку только что рассказывали о смысле бытия!

– Привыкай, братец, мне так легче запоминать.

– Зачем вам голова? – А я в неё ем! – Это о тебе.

– Ладно, разрядились и собрались. Мне не всё даётся с первого раза.

– Попробую попроще. Всё имеет обратную связь. Всё! Ты, утром, хмуро посмотрел на себя в зеркало хмурой физиономией, и оно, тебе, ответило тем же. Из этой же серии – не рой яму другому, сам попадётся. Вроде, просто. Но, только до тех пор, пока осмысливание этого закона, не приведёт тебя к твёрдой уверенности, что все твои поступки отразятся на тебе поступками других, даже не знакомых тебе людей. Один пример. Девушка, предчувствуя критический двадцатилетний возраст, чтобы через день не стать старой девой, ловит парня старым дедовским, прости, бабушкиным способом – беременеет. Парень, скорее всего, не готов к таким ограничениям рамками семьи и ответственности. Чтобы у него не осталось шансов на выживание на свободе, девушка идёт, по совету матери, или подружек, к «специалисту». Спец, за умеренную плату, берётся укрепить семью заговорами, подсыпками и тому подобным. Короче говоря – зомбирует. Упускается одна важная деталь – никто из подобных знахарей, повторяю, никто, даже и не подозревает о том, куда он влез и что натворил. Сделав такое единожды, никто не в состоянии уничтожить сотворённое. Его можно только спрятать, сделав мину замедленного действия. Можешь мне поверить, что на этой мине кто-то обязательно подорвётся, взвалив на себя болезни, беды и горе, которое создал «специалист». Но, вернёмся к молодым. Парень под действием чар остаётся в семье. Девушка довольна, ребёнок имеет обоих родителей, «специалист» получает свой гонорар. Но, через год или два, зомбирование приобретает другие формы, не совместимые с проживанием в семье. Девушка опять к «специалисту» – сглазили, позавидовали моему счастью и так далее. Ритуал повторяется. Порча снята, выпито пять литров воды маленькими глотками, магазину сделан план по яйцам, на которых выкатывали. Всё стало на свои места. А вот в «зеркале» отразилось совершенно иное. Запросив магический приворот на парня, противоестественный приворот, она открыла доступ к бедам. Ещё, будучи беременной, её просьба отзеркалила приворот с обратным знаком на, ещё, не рождённого ребёнка. С этим «довеском» ребенок и придёт в мир людей. Это частые хвори, нервозность, непослушание, приводящее к отрицательному восприятию родителей. Но, девушка по своему скудоумию не может понять, что это именно она сделала с ребёнком и с его кармой. И что её ребёнку придётся всю жизнь отрабатывать то, что в народе называют грехами родителей. Девушка сознательно, ради мифического благополучия брака, губит двух людей. Ситуация приобретает лавинообразный характер. Теперь, уже, парень, зарабатывая деньги, относит их к специалистам, цены у которых растут пропорционально росту цен на нефть. Далее спец обслуживает ребёнка. Однажды вызванное из другого мира зло, под видом помощи, мечется внутри семьи, поражая всё больше чувств и органов. Эта псевдосемья превращается в сборище неврастенических неудачников, занимающихся обвинениями друг друга. Потом – развод. Девушка жалуется на потраченные, на этого негодяя, годы и требует

от окружающих жалости или сочувствия. Ребёнок растёт самовлюблённым оболтусом, прыгающим от наркотиков до водки, от мнимой самостоятельности до тюрьмы, от тусклого детства до безрадостного старения. От маленьких причин бывают большие последствия.

– Подмывает спросить, а что с парнем?

– Не знаю. Если хочешь – в общих чертах. Парень или уходит из семьи или остаётся, что, собственно, одно и то же. Жизнь превращается в череду понедельников, выпиваний с друзьями, отпусканьем живота и неряшливости в одежде. Интересы для окружающих и для себя самого он уже не хочет представлять. Однако, он не в силах понять, почему амбиции, бурлившие в его молодой голове, перебрали в уксус. Из выученного в детстве, он ничего уже не помнит. Рукоприкладство в семье становится привычным занятием. Через пару месяцев, после выхода на пенсию, он умирает.

– Давай хронологию не нарушать.

– Ты просишь о девице?

– Нет. О хромосомах! Конечно же, о ней.

– О ней, тоже, примерно. Представь, она становится тещей. Дотянув дочь до выпускных экзаменов, прозрачно намекает ей на правильный, по её зрелому мнению, способ выйти замуж. Этот способ мы уже обсудили. Физиологическая потребность искусственного узаконивания брака через искусственную мораль, плодит в геометрической прогрессии не людей и не народ, а биомассу и электорат. Эти поколения и бунтовать не будут и управлять ими легко. «Специалисты» же, ведут жизнь не лишённую приятностей. Начисто забыв о том, что ничто никуда не девается, они, с мукой на лице, рассказывают о сложностях нейтрализации, только что снятой порчи. Только они её никуда не девают. Порча, или насланные грехи, название не суть важно, отзеркаливаются на следующем посетителе. И когда эта, пусть будет порча, проявится в полную силу на ничего не подозревавшем человеке, то пройдёт год-другой, и к этому «спецу» претензий уже не будет. На этот счёт уже готова фраза о подсыпании в еду или в питьё вхожей в дом женщины, с определённым цветом волос. И тут же предложение снять, испортить, приворожить, разлучить, проучить и приручить. Не понимая сути своих манипуляций, они вторгаются в область, контролировать которую, просто, не состоянии. Ты только представь, что то, о чём мы поговорили пять минут, у этой описываемой мною пары происходит ежедневно в течение многих лет. Ссоры, оскорбления, слёзы и равнодушие у них происходят ежедневно, хотя, на людях, они выглядят нормальной парой. Это – самая простая дорога в созданный, своими же руками, ад на земле, а не в эфемерный по ту сторону жизни.

– Мне что-то невесело от этого рассказа. И никто не борется с этим?

– Церковь занята дележкой собственности. Некоторые затворники, правда, постоянно молятся за то, чтобы Господь дал хотя бы крупицу разума людям. Но, то, что называется моральным здоровьем нации, оставлено на самотёк. Важнее вопрос языка и полуправдивой истории, придуманной и подогнанной с определённой целью. Государственные мужи устраивают вечеринки в самых святых местах страны. До народа ли им?

– Ничто не ново в подлунном мире. Для народа выхода нет.

– И не должно быть. Есть выход для каждого. А народ и состоит из каждого. Но, разговор уходит в другую сторону. Ты начинаешь обговаривать услышанное, и пытаешься найти виновных. Они есть. Но, их нет.

– Я разговариваю с гением логики?

– ???

– Это называется, нет-нет, да и да. Попроще нельзя?

– Я тебе подсказываю, в какой стороне свет, а ты сам решаешь, идти к нему или нет. Надо начинать полноценно включать в работу голову. Думай, анализируй, сопоставляй и не мечись от прослушивания до непонимания.

– Это проще сказать, чем сделать. Ведь то, о чём ты рассказал, это, по сути, другой мир, в котором я не ориентируюсь.

– Поэтому пытайся не слушать, а слышать. Не думать, а разумно искать правильные решения.

– Чем ты меня ещё хочешь расстроить?

– Второй закон ещё проще, но, во много раз сложнее для понимания. В человеческой жизни и в мире в целом не происходит случайностей. Никогда. Ни с кем. Если что-то свершилось, маленькое событие или большая беда, это совершилось для того, чтобы кого-то о чём-то предупредить, остановить, предостеречь и, даже, спасти. Для того, чтобы узнать, какова реакция на свершившееся у участников события и у стороннего наблюдателя. Это, также, и воспитательный момент, и побудительный. И вовремя не подошедший автобус, и камешек, попавший в ботинок – всё это должно произойти и произошло. В причинах произошедшего надо разбираться самому – подсказка дана.

– Не просто Господь придумал мир. Столько сложностей...

– Это не сложности, это обычная человеческая жизнь, а на земле её переделали под свою лень. Так вам проще живётся. Но, отвечать за это надо будет обязательно. И последнее на сегодня. Ещё одна составляющая часть мирового законоустройства. Она достаточно противоречива по сути, но правильна по духу. Вчерашнего дня уже нет. Завтрашнего ещё нет. Есть только сегодня. Сейчас. Молитву «Отче наш...» помнишь? Там есть строка: «Хлеб насущный дай нам на сей день...» Больше никаких сроков. Только сегодня. При любом отношении к этим законам, они ежедневно существуют, управляя судьбами и странами. Самое сложное, это поверить в то, что есть только сейчас и на самом деле. Всегда легче поверить в мифическую Атлантиду, нежели в существующего Иисуса. Легче его распять, чем прилюдно признать, что собственная слабость духа переросла в мировоззрение. Что притворная религиозность делает врагами самих же себя. Идет война самого себя с собой. Идет провокация войны с себе подобными. Но избави нас от лукавого...

В дверь купе постучали, и вошла Верка Сердючка, правда без звезды на голове, зато с чаем. Для приличия подождав возможного заказа, так же, молча, удалилась. Как-то не хотелось думать об этой проводнице и её сценическом воплощении. Мне в голову вообще не приходили мысли. Было ощущение стояния на пороге между двумя мирами. Вроде, я это всё

уже знал, но, как-то, не с той стороны. Даже страшновато было вдумываться в эти простые, но, совершенно меняющие отношение к себе, правила. Но, если допустить, что всё сказанное Андреем, правда? Только допустить? Получается, что жизнь совсем другая, чем та, которая на тебя обрушивается камнепадом как раз тогда, когда ты уже уверен в абсолютном знании предыдущей, искусственной жизни. И почему на меня эти новые откровения сыплются сразу и в таком количестве? Помедленнее нельзя? Как в школе, например. Сперва рисуем палочки, потом учим пестики и тычинки, а потом уже теорию электролитической диссоциации? Ведь я могу или возомнить себя носителем каких-то знаний, или попросту тронуться рассудком? А чего стоит осознание того, что предыдущее планирование секунды быстротекущей жизни в постоянном слаломе между законами, условностями и наказанием, оказалось плевком против ветра? Получается, что так. Толпа сводит тебя с ума, кто-то искусственно лезет в твою жизнь с ненужными тебе коррекциями. И, при этом, тебя постоянно разрывают общественные разглагольствования об ужасном прошлом и потрясающем будущем. Боже, как же меня раздражает этот звон ложки о стакан! Кто так старательно испытывает мои нервы? Я оторвал взгляд от повечеревшего пространства за окном и увидел пустое купе. Андрей ушел, и я был в одиночестве. Это я сам пробовал стакан на крепость, вращая ложкой в стакане. От этого вращения получалась красивая воронка, от самого дна до верха. Интересно, а где же я могу находиться, – на дне стакана, откуда водоворот вырвет меня и поднимет наверх, или на краю воронки, которая втянет меня в свой безразличный ко всему омут и утащит на дно? Я был в пограничном состоянии нестабильного стояния. Или наверх, к свету, или в омут на самое дно. Хотя, и на свет надежды мало. Это сияние в конце тоннеля может оказаться огнями приближающейся электрички. Всё зависит от того, кто пользуется этой вещью, которая предлагается как свет. А сколько дней, озарённых чьим-то фальшивым светом пролетело бесследно? Ковыряние в прошлом, навязывание тебе чьего-то взгляда на им же перевернутую историю, пустозвучные разглагольствования о каких-то не логичных, но, почему-то, судьбоносных событиях – вот что сжирает секунды этой жизни. Тотальная политизация бездарными болтунами, избранными закрытым списком, действительно делает жизнь обычной чередой понеделньников. Незаметно пролетят несколько Новых годов и, однажды утром, увидишь мужика в балахоне. А это не мужик, а святой Пётр. А вдруг мне не понравится то, что я вижу? А вот это уже инакомыслие, которое расценивается как кощунство над святыней народа. Но, ведь как-то жил народ без этой самопровозглашённой святыни? Жил, но не правильно. А правильно – со статьёй УК. Чего ковыряться в прошлом, если изменить его нельзя? Надо, чтобы помнили. Помним, правда, помним. Но, по четыре дня в неделю напоминать, чтобы помнили – это мания. Народ может выжить сегодняшним хлебом, а не вчерашним тортом. Зачем, интересно, проходят дни в скорби по прошлой, тяжкой жизни с бывшими друзьями, и в радости, от будущей сладкой судьбы, с прошлыми врагами? Чтобы не смотрели в сегодня. Значит, есть необходимость в этой дымовой завесе.

– Да. Открыто.

– Здравствуйте. Украинская митница. Ваши документы, будь ласка.

Говоривший таким тщательным суржилом был таможенным офицером. Он сел на свободную постель, перелистал паспорт и оглядел купе. Я попытался проследить за его взглядом и, краем глаза успел заметить, выглядывающее в дверном проёме монументальное бедро госпожи Сердюк. Видимо, постукивает таможенникам в обмен на свободный провоз контрабанды. Тут такой повод – один с двумя билетами в купе СВ. Не очень дёшево. И подозрительно.

– А почему вы едите один с двумя билетами?

Надо же так попасть! Может, действуют Андреевы подсказки? Но, отвечать я не стал из вредности. Взял стакан с остывшим чаем и сделал глоток.

Таможенник, уже положивший мой паспорт на столик, снова взял его в руки и, постучал им.

– Я к вам звертаюсь.

– Я вас слушаю.

– Почему вы один в купе с двумя билетами?

– Назовите номер статьи уголовного кодекса, запрещающей мне осуществлять поездку таким образом?

Да пошёл ты! Что я такого сделал? Интонация наглого вопроса видимо рассчитывалась на создание для меня неуютной ситуации. А, хрен тебе! Не надо изображать передо мной мученика, сутками напролёт стерегущего экономическую границу. Ты сюда рвался добровольно. Здесь ты – не по приговору суда. Так, что, или повежливей, или проваливай!

Таможенник оглянулся на дверь и на минуту задумался. Или сделал вид, что задумался. Хотя я думаю, что он просто считал до десяти. Но, держал он паузу театрально, правильно. Станиславский сказал бы: «Верю!»

– Покажите ваши вещи.

Моя сумка лежала рядом. Расстегнув молнию, я положил сумку на столик. Очень тщательный осмотр, конечно же, ничего не дал.

– Это все вещи?

– Да.

– Поднимитесь, будь ласка.

Последовала проверка ящиков под откидными сидениями. Результат нулевой. Бедро должно выглядеть в дверном проёме.

Ничего не найдя, офицер опять открыл мой паспорт. Может, он решается на личный досмотр? Так у меня козырь в рукаве. И не смотри, что я национальное меньшинство.

– Валюту, драгоценности, наркотики перевозите?

– Нет.

Даже самый лучший праздник имеет финал, если не будет похмелья. Отфиналил и этот. Кинув паспорт на стол, таможенник двинулся к выходу.

– Счастливой дороги.

– Спасибо.

Дверь в купе заехала на своё место. Я просмотрел довольно придирчиво паспорт, будто боялся, что таможенник тайком вырвал мою фотографию. Но, он не был моим фанатом. С этой мыслью я отправился на боковую.

Сон прервал звонок моего мобильного. Звонивший не представился, а только сообщил, что он беспокоит меня по поручению и от имени Андрея. Сказал, что планы изменились и Москва нам не нужна. Естественно, подумал я, кому нужна Москва в половине третьего ночи? Кроме французской армии. Далее, сообщал звонивший, мне предлагается выйти в Курске. На вокзале та же история с пакетом, но в кассе номер четыре. Потом автобусом в Воронеж. Я, конечно же, поинтересовался, зачем надо было делать такой крюк? Вверх на север в Москву и тремя пересадками на юг в Воронеж, – лишком сложно. Последовал ответ, что он только передаёт информацию, а всё решает старший.

– Тогда проследите, насколько это в ваших силах, чтобы этот старший никогда не стал министром путей сообщения.

Одевшись, я навестил не спящую, к моей радости, госпожу Сердюк. Узнав, когда прибываем в Курск, я сообщил ей что выхожу. Что и сделал через двадцать минут. Остановившийся поезд издал свистящий вздох облегчения, когда я покинул вагон.

Достаточно быстро разобравшись в архитектурных хитросплетениях кассового зала, и получив пакет, я устроился за столиком работающего кафе и попросил чай.

В пакете было именно то, что и обещал Андрей, – деньги, бронь и номера телефонов. Правда, на эти деньги я мог бы нанять десяток китайских рикш, чтобы они, сменяя друг друга, транспортировали меня по любому изменяющемуся маршруту. Но, просили автобус. Андрей хотел, наверное, чтобы я постиг тайный смысл аскетизма.

Глава 3

Дальнейшее происходило в полудрёме. С пересадкой я приехал в пункт назначения около семи вечера. В гостинице устроился сразу, отправил сообщение Андрею и сделал всё то, что и положено аскету в Воронеже, – скромнейший ужин в ресторане, часик перед телевизором и сон.

Утро, следующего дня, было, как, утро, следующего дня. Воронеж был – как Воронеж. А вот я был как собачка Павлова, с её рефлексом на выполнение задания. Дозвон до следователя, сборы и бритвё, крепкий чай в кафе – всё совершалось автоматически, как-то, мимо сознания. Толком пришёл в себя, только, около киоска прессы, где купил карту города. Интересно, это я сам себя так настроил на ответственность, или кто-то надо мной поработал? При случае скажу Андрею об этом, пусть ослабит поводок.

Остановив такси, я попросил подвести меня к моргу районной больницы. Водитель согласился сразу, добавив скорби в свое лицо. В машине звучал «Вечер трудного дня», «Битлз». Мне это показалось хорошей приметой на весь день. Водитель предложил выключить музыку, но, я отказался. Я не ехал, я купался в этой музыке, погружался так глубоко, как только мог и старался подольше не выныривать. Как мало человеку надо, чтобы чувствовать себя по-настоящему приятно и легко. Остановившись около больничной ограды, водитель вопросительно посмотрел на меня. Выбора у меня не было. Я расплатился и вышел, с сожалением глядя в след отъезжающей машине, окутанной прозрачным облаком великолепной музыки... Здравствуй, реальность.

Морг я нашёл в дальнем углу больничного комплекса. Судя по обшарпанности здания, морг переболел оспой в самой извращённой форме. Чтобы пациенты больницы не пялились на своё будущее, вход был благоразумно расположен на противоположной стороне здания, недоступной для обзора.

Около входа стояли три молодых, судя, по комплекции и фигурам, парня. Некогда белые халаты, с буроватыми пятнами, на голое тело, старые больничные пижамные брюки и кроссовки без шнурков – это вся одежда медперсонала. Лениво прищуриваясь, они поглядывали на появляющееся из-за редких тучек солнце, и со вкусом выпускали сигаретный дым по облакам, за которыми солнце, иногда, пряталось.

Направляясь к ним, я решил говорить напрямую.

– Здравствуйте.

– Кого берешь?

– Двух брюнеток и шампанское! Я говорю – здравствуйте.

– Привет.

– Ребята, я приезжий. Я хотел кое-что узнать об одном вашем клиенте. Хочу расспросить подробно и отблагодарить.

– А ты, ваще, кто?

– Мои данные вам без надобности. Я – частное лицо. Вчера приехал из Украины. Дело у меня скорбное. Справок и заключений мне не надо. Только ответы на пару-тройку вопросов. А потом – мы с вами никогда не виделись.

– Василич, наш патолог, на пятиминутке у главного. Подожди его. Придёт – и поспрашаешь.

– Ребята, я из Украины, а не из Гондураса. У нас там тоже ходит русский язык. Я обращаюсь к тем, с кем хочу поговорить. Василич меня не устроит. Если бы я был из ментовки, то все бумаги по любому жмуру у меня были бы и без прихода сюда. Я просто имею вопросы, и имею благодарность за ответы.

– Да, мы, тока, убираем и моем, можем зашить. Не режим мы. Что мы, это самое, можем знать?

– Давайте сначала. Вы согласны ответить? Разговор минут на пять.

– Ну....

– Да или нет?

– Сколько даёшь?

– Называй сам.

Любитель присказки «это самое» оглянулся по сторонам так, как будто стоял на шухере.

– Пару тыщ?

– Согласен. Только без придумок и утаиваний. Я спросил – вы ответили. Я даю деньги, и мы никогда не виделись. Добро?

– Спрашивай.

– Рейзбих Антон Дмитриевич.

Ребятам резко расхотелось разговаривать. Они начали топтаться спадающими кроссовками и переглядываться.

– Сказал «А», говори «Б». Что случилось? Добавить денег? Поймите, то, что вы скажете, я никак использовать не смогу. Тем более, я приезжий.

– Покажи паспорт.

Герб Украины и украинский текст немного их успокоили.

– Ты точно не «цветной»?

– Нет. Я чёрно-белый. В чём заминка?

– Ты почему им интересуешься?

– Это мой брат. Мать одна, отцы разные. Мне только сообщили о его смерти. Но, всё так путано, что я решил узнать для себя всё, что можно.

– Кирюха, глянь-ка, когда его привозили?

– Его уже похоронили?

– Ну, это самое, тут такая штука...

– Не тяни. Три тысячи. Согласен?

– Ладно. Только, не, это самое, не подставь. Его привезли менты уже перед утром. До восьми ждали Василича. Мы его вытащили из УАЗика. Он лежал на брезенте. А вот, это самое, ему травы свежей подстелили... зачем-то. Ну, когда? (Это к подошедшему Кирюхе). Вот, это самое, точно пять дней тому. Василич его вскрыл и пошёл к ментам. Мы его, это самое, зашили. Акта менты ждать не стали, жмура, это самое, (Кирюха толкнул говорившего локтем), извини, твоего брата не зарегистрировали. Потом собрали, это самое, вещи в мешок, труп в брезент, голый он был. Мы его погрузили в багажник и всё. Менты, это самое, уехали.

– А почему ты его запомнил, если его не регистрировали?

– Когда мы его занесли, менты, это самое, остались на улице. Мы, это самое, сами раздевали его. Ну и нашли пачку визиток. Все на одну фамилию. Значит, его. И фамилия у него, это самое, не Иванов. Запомнился.

– А куда Кирюха ходил смотреть, если его, опять-таки не регистрировали?

– А в тот день больше никого не привозили. Мы тут весь день уборкой маялись.

– А во что он был одет?

– Костюм. Хороший, это самое, дорогой. Галстук. Белая рубашка.

– Отчего умер?

– Огнестрел. Скорее всего, из Макара. Пуля – прямо в сердце.

– Ты и пулю видел?

– Я её, это самое, в пакет положил и ментам вынес.

– Больше ничего не вспомнишь?

– А он в одном туфле был, – сказал Кирюха.

– Может в машине остался?

– Труп в багажник, а туфель, это самое, в салон. На память.

– По местам! Василич идёт. Всё, мужик, пока.

– Я ищу родственника по моргам, понял? Выскочишь на минуту, рассчитаться надо.

– Добро.

– Ищите кого-то?

– Дед мой ушёл из дома и с концами. Бабка велела поискать. А где? Хожу по больницам и моргам. Если в вашем ведомстве нет, тогда пойду в милицию. А ребята сказали, что моего у вас нет.

– А, им-то, откуда знать? У нас много пенсионеров.

– У него нет левой руки.

– У нас такого нет. До свидания.

– До свидания, – притворно вздохнул я и полез в карман за сигаретами.

Я успел докурить почти до конца, когда появился «это самое».

– Думал, ты уйдёшь.

– Я нормальный человек.

Получив деньги, парень собрался было протянуть мне руку, но, увидев одетую на ладонь перчатку, смущённо пожал плечами. На том и расстались.

Выйдя за больничную ограду, захотелось снова закурить. Захотелось побыть положительным героем лихого фильма, размышляющим над кознями недругов под музыку Энио Морриконе. Только проза жизни подставила мне трещину на асфальте, из-за которой я действительно едва не стал положительным героем. От глагола «лежать». Случайностей не бывает. Надо было вернуть мысли на свой насест. Что, они, и попытались сделать с видимой неохотой.

Итак. Что мы имеем? Не много. Во-первых, не надо делать никаких выводов. Только хорошо запомнить сказанное санитарями. Второе. Постараться не напрягать мозги перед разговором со следователем. Надо будет многое замечать и многое запоминать. Выводы будут вечером. Андрей поможет. А, кстати. Чего это, вдруг, так стухли санитары, когда слышали фамилию Антона? Может, менты попросили их забыть обо всём увиденном? А, вдруг, Кирюха ходил звонить ментам? Мол, пришёл какой-то брат, спрашивает... А с другой стороны, парень, «это самое», мне понравился. Правильно подумал про обувь. Даже если Антона застрелили в кабаке, то, спавший туфель всё равно забрали бы. Это улика или вещдок, – не знаю терминологии. Значит, его подобрали уже в одном туфле. Он, например, мог убежать и потерять. Он мог драться и потерять. Хотя, если бы он дрался, остались бы следы и ребята могли их заметить.

И что это за традиция – травку подстилать? Он что, знал, где упадёт? Или долго лежал на траве, отток крови... чтобы брезент не испачкать. А где в городе трава? Блин, а где я в этом городе?

Передо мной была какая-то промзона, или, как, ещё, назвать полуразрушенное здание в окружении пустыря? Надо возвращаться, и пораспрашивать у людей дорогу. Мне через час на свидание со следователем надо.

Из этой зоны в цивилизацию я смог попасть довольно быстро. Взяв такси, прибыл к зданию милиции без опозданий. Успел, даже, покурить.

Кабинет следователя на порядок выгоднее отличался от кабинета его коллег из моего городка. Главное, что меня приятно поразило в этом кабинете – это отсутствие участкового. За столом сидел мужчина лет сорока, на голове лысеющий ёжик, перебитый нос и глаза. Увидев такие глаза, можно сразу сказать, где работает их хозяин. Очень недобрые глаза, с кажущейся ленью переползающие с твоего лица на одежду. А на теле, после такого взгляда, оставались красные полосы, как будто глаза ощупывая тебя, переползали по тебе с помощью когтей. Я бы не стал ждать милосердия от такого человека.

– Добрый день, – сказал я и протянул паспорт.

Он также цепко посмотрел каждую страницу (хотя бы не поцарапал мой документ, глазастенький).

– Добрый. Присаживайтесь. Я вас вызывал?

Ах, ты, святая простота. Ты, уже обо мне, поди, всё знаешь. И про морг тоже. Или это называется следственная нелюбовная прелюдия?

– Нет, не вызывали.

Я вкратце рассказал о повестке, приезде сюда из-за брата и о предварительном телефонном договоре прийти сегодня в кабинет.

– Да-да, вспомнил. Хорошо, что приехали. В сущности, помочь следствию, вы не можете. Но, на ваше имя есть несколько бумаг, которые могут дать нам зацепку. Вы надолго?

– Будет зависеть. Если мне придётся как-то и что-то предпринимать, относительно этих бумаг, то, скорее всего, задержусь. Если окажется простая формальность, то через день-другой поеду. Я, так понимаю, мне надо будет консультироваться с вами всё время.

– Да. Это в интересах следствия.

– Если мне придётся здесь задержаться, мог бы я рассчитывать на вашу помощь с регистрацией?

– Это лишнее. Вы где остановились?

А то ты не знаешь?!

– В «Руси».

– Подойдите к администратору, и она сама вас регистрирует. Я попрошу вас, по-свойски, купите ей конфет или, чего-нибудь, такого. Надо ведь с людьми по-людски жить, верно?

– Конечно. Я могу ещё чем-нибудь помочь? У меня только завтра вечером встреча с адвокатом.

– С нотариусом.

– Да, с нотариусом.

– Помочь – вряд ли. Если хотите, можете проехать в село, здесь рядом. Хорошая природа, речка. Там можете поговорить со свидетелем. Только, поосторожней с ним. Он пожизненный военный. Строгость, чёткость ответов, упал-отжался. Есть желание?

– Я не знаю местной географии. Я успею вернуться вовремя?

– Успеете. До села 47 километров. От автостанции машины ходят часто. Успеете.

– Хорошо. Поеду.

– И последнее. Это касается следствия. Ваш брат был серьёзный бизнесмен, слухов около его смерти ходит много. Ни с кем, ни о чём относительно дела не говорите. Кроме меня. Это понятно?

– Это понятно.

– Во сколько встреча с нотариусом?

– Завтра в 16.

– Если успеете вернуться пораньше, давайте встретимся в кафе на Маркса, часов в 12. У меня могут быть новости.

– Договорились. Если что, я могу вам позвонить?

Следователь согласился, и дал свою визитку. Мы попрощались.

Я остановил такси и попросил отвезти меня на автостанцию. По дороге я отправил Андрею сообщение о том, что, по предложению следователя, еду в село. Вместо ответа я получил подтверждение о доставке сообщения

По пыльной и ухабистой дороге автобус мчался около часа. В половине второго я покинул гостеприимные доски, оборудованные вместо сидений, и встал на твёрдую землю. Я стоял около сарая, оказавшимся автостанцией. В это время такое людное место оказалось пустынным и замусоренным, как, второпях оставленный, стихийный рынок. Три улицы расходились лучами от автовокзала, две из которых, в прямой видимости, заканчивались тупиком. Третья вела в бесконечность. Покорять село я начал с этой улицы.

Небольшое, тенистое село спускалось по когда-то большой горе прямо к реке. Наверное, она, когда-то была полноводной, как и велика гора. Но, люди и время, стараясь победить друг друга, во много раз уменьшили и то, и другое. Раскапывая гору с одной стороны в поисках ископаемых или кладов, старатели сделали очень пологим склон этой горы. Пользуясь ничейностью, этот склон облюбовали под дачи, а, потом, оккупировали основательно жители окружающих посёлков. Автоматически став коренными жителями, так же, автоматически, дали и название поселку, прилепившемуся к склону – Нагорное. От присвоения земли, перешли к присвоению некогда полноводной и широкой реки. Теперь, она уменьшилась почти втрое – это заметно по старому руслу. Загаженная банками, пакетами, гусями и старыми крышками, речка, метров в пятьдесят шириной, зарастала неприхотливой осокой, и продуктами жизнедеятельности аборигенов. Одиноким деревянный пирс, метров на пять ушедший в воду, был виден только с противоположного берега. Густые заросли камыша надёжно прятали его от жителей села. Когда тянули газ в село, то, скорее из экономии, трубу проложили, чуть ли не по поверхности воды. Зимнее льдостояние обеспечивает местных жителей дополнительными переживаниями – а вдруг осенний подъём воды коснётся трубы и заморозит её, тогда она лопнет и... Порядок возможных бед, в каждом дворе был свой, но речная вода, буквально в пятидесяти сантиметрах, плескалась под этой трубой. Поэтому, опасения обморожения трубы, не казались, такими, уж, надуманными. Кстати, эта труба, с закреплёнными на ней досками по верху, в селе называлась Бруклинским мостом.

В таких сёлах отыскать любого жителя не сложно. Достаточно подойти ко двору, позвать хозяев и, поздоровавшись и извинившись, прямо спросить о нужном тебе человеке. После пятиминутных расспросов ответ будет получен. Это – по этой же улице вниз, почти до реки. Второй дом от угла. Спасибо.

Дом стоял в глубине двора, метрах в двадцати от калитки. Посеревший и потрескавшийся штакетник часто подвергался измазыванию краской. Каждый раз другого качества и цвета. Вдоль забора, уже внутри двора, ровным рядом росли абрикосы – дички. Остальное расстояние до дома занимали кусты смородины. Рядом с домом рос громадный орех, дававший прохладу летом, и сумрак в остальные времена года. Под куском автомобильной камеры, на калитке, была кнопка звонка. Трижды нажав на неё, я услышал какой-то шум, который можно было принять и за музыку, и за звук падающей металлической посуды. Входная дверь втянулась внутрь, щёлкнула и открылась наружу. Появился мужчина, недоумённо оглядывая двор. Словно из-под земли выскочил дворовый пёс, в родословной которого были предки, близко знавшие овчарок. Пёс залаял, оправдываясь за опоздание и, рискуя оторвать себе хвост, замотал им, глядя на хозяина. Тяжело будет этому сторожу, после моего ухода.

Довольный мужчина, почти кавалерийским шагом, двинулся мне на встречу. Трико-тажные штаны с вытянутыми коленями колыхались при ходьбе, становясь, очень похожими, на галифе. Куртка от спортивного костюма была застёгнута под горло. На босых ногах были обрезанные, до размера тапочек, резиновые сапоги.

– Здравствуйте! Извините, что беспокою вас, – я представился и, почему-то, соврал о своей работе в газете.

– Не могли бы вы уделить мне, – я не договорил. Очень ясная картина появилась в голове: это бывший военный, офицер, с соседями не дружит, поскольку считает их недисциплинированными. Согласится на разговор, если я буду обращаться к нему, как салага – рядовой к генералу.

– Несколько минут. Я понимаю, что не имею права отрывать вас от дел. Я только прошу разрешения задать вам несколько вопросов, – это было всё, что я смог вспомнить об армейских способах задавания подобострастных вопросов. На всякий случай решил добавить:

– С вашего позволения.

Я, замер в неудобной позе, и начал ожидать ответа. Проведя сравнительный анализ внешности и, как мне показалось, умственных способностей, хозяин расстроился по-поводу обеих параметров. Но, всё же я услышал его голос.

– Служил?

– Так точно! Береговая охрана, Феодосия, Черноморский флот. Два года. Ефрейтор.

– Заходи.

Он открыл калитку, пропустил меня вперёд и, указав рукой в сторону дома, пошёл сзади, немного сдвинувшись влево. Собака не собиралась на меня реагировать никак, за что получила тапчочком по задку. Около двери я остановился, сделал шаг в сторону и развернулся на 90 градусов, щёлкнув каблучками.

– Не выёбывайся!

Хозяин открыл дверь, используя технологический приём туда – назад. Открылся проход в короткий тамбур, потом в коридор, по которому мы дошли до двери, утеплённой старой шинелью, и попали в комнату.

Это была большая квадратная комната, с претензией называться кабинетом. Около окна стоял стол с гибридом кресла, которое получилось при неудачном скрещивании стула, куска ДСП и колёсиков. Стена, напротив стола, была увешана полочками с фотографиями, гильзами, грамотами, погонями, и другой продукцией военно-промышленного комплекса. Фотографии, как я потом рассмотрел (предварительно испросив позволения), вряд ли были отсняты официальным способом. Сделанные тайком, они повествовали о всевозможных способах и позах, какие можно принимать, вступая в связь с оружием. Явным фаворитом был пулемёт. Фотографии казней, (а это вряд ли нормально, мазохизм какой-то) относились, судя по форме одежды, к различным периодам Отечественной войны.

На противоположной стене стояли книжные шкафы, красноречиво говорившие о том, что чтение – не лучшая сторона жизни хозяина. На самых видных местах стояли его книги (любит пописывать, вояка) и фотографии другой стороны его жизни. То с пионерами, то появляясь галстук симпатичной пионервожатой, то во главе колонны ветеранов, то награждение чем-то. Всё в таком духе.

Почему мне не понравились его глаза? Не знаю. Правый глаз был заметно ниже левого, и словно в противовес кривизне глаз, правая часть рта была приподнята относительно левой. Не менее интересно он выглядел на снимках, и опять – таки, его глаза. При любом выражении лица, глаза не менялись, а цепко смотрели либо в объектив, либо на соседа по снимку. Смотрел так, словно запоминал, или прицеливался.

– Ты такой же журналист, как я сраньтехник. Я тебя пустил в дом, во-первых, потому, что я тебя не боюсь – не таких ломал. Во-вторых, одет не по здешнему – значит издалека. В-третьих, автобуса сегодня уже не будет, значит ночевать тебе негде – будешь проситься остановиться у меня, а это хрен тебе. Чего хочешь?

Повернувшись в пол оборота на своё кресле, и положив правую руку на стол, он смотрел на меня так, как он это делал на снимках.

– На какой вопрос отвечать сначала? Или я тоже могу задать?

– Ну, спроси.

– Скажите, где вы служили? Я смотрю фотографии, получается, вы всю войну прошли? Даже захватили и мирное время, наверное, до 1947 года.

– Я знаком с этой методой завязывания разговора. Сам ей пользовался. Служил, да, всю войну, даже больше, с 1938 по 1949, спецотряд НКВД. Доволен? Навыки остались, технику помню, вижу твоё нутро насквозь. Ещё вопросы?

– А кто этот бедолага с петлёй на шее? Вместо табурета попользовали кузов машины?

– На первый раз – прощаю. Этот бедолага, ****ь, Власов. Генерал. Собственной персоной. Мы его кончали во дворе Лубянки. Он, сука, морду всё воротил, благородство показывал. С четвёртого раза вздёрнули. Этот снимок перед последним рывком.

– А на передовой приходилось бывать?

– Три года безвылазно. Победа на наших плечах (он, видимо решил, что последнее слово звучит как-то казённо), на нашем горбу досталась вам, наследнички. Заградотряд. Слышал? Хотя, что ты мог слышать, кроме бурчания своего брюха. Мы победили только потому, что именно мы держали порядок в армии.

Потихоньку он начинал заводиться. Честно говоря, меня начинало знобить от атмосферы его комнаты, ставшей, какой-то, вязкой и липкой.

– Ну да, порядок нужен. У меня ещё один вопрос. Последний. Недавно меня вызвали в милицию, по поводу смерти Рейзбиха Антона. Это – мой брат. Следовательно, по поводу подробностей, посоветовал обратиться к вам. Вы, как он выразился, свидетель и очевидец. Вы могли бы рассказать мне, как было? Да, а фамилия следователя, сейчас найду...

Я полез в карман за визиткой, но услышанное остановило меня.

– Я знаю, какой следователь. Я знаю, что ты должен был приехать. Он предупреждал. Могу рассказать.

У меня в голове завелись часы. Если в доме не убирать, то заводятся тараканы. А у меня завелись ходики. С каждой отсчитанной секундой на дно черепа со стуком падала мысль. Одна хуже другой. Стук – он знал, что я приеду. Стук – следователь предупредил. Стук – пустил

в дом сразу. Стук – документы не спрашивал, НКВДшник хренов. Стук – на всякий случай попугал, что и не таких обламывал. Стук – пустил в дом. А теперь любая статья УК против меня, а он – опять герой. Допустим, следователь меня описал. Но, внешность у меня средних возможностей, можно и ошибиться. А, может, он был в ментовке, когда и я там был? Стук – а что это за новости? Отправлять родню погибшего к свидетелю? Ой, мама! Куда же я попал?

Рассказ сводился к следующему. Где-то, дней, за пять-шесть до моего приезда, этот свидетель, Кураков Сергей Гермогенович, не пьющий (это он подчеркнул особым нажимом в голосе), рано пошёл на рыбалку. От дома до реки близко, потому и пошёл. Он не такой идиот, чтобы таскаться за рыбой чёрти-куда, как эти придурки рыболовы бу-бу-бу-бу-бу. Когда несчастное поколение рыбаков обрело, наконец – то, нормальное матерное определение, вояка позволил себе продолжить. Так вот. Сидит, он, ловит рыбу, рассветом любитесь. Заметил плывущую по реке лодку. В ней – трое. Они громко переговаривались, и всё время крутили головами по сторонам. Когда они проплыли под мостом, он понял, что это охотники. Так как Сергей Гермогенович сидел в камышах около моста, то его не было видно. Проплыв мимо него, и отдалившись от Бруклинского моста метров на тридцать-сорок, охотники увидели уток и произвели несколько выстрелов по ним. По ним – это в противоположную сторону от Куракова. В сторону противоположного берега. По несчастью, на берегу была палатка, в которой в беспробудном пьянстве проводил уже скоро сутки погибший. Совершенно случайно пуля попала в брата, пробив брезентовую палатку. Сразу не кинулись, потому, как, раннее утро, стреляли по уткам, до другого берега метров пятьдесят по воде. Когда другие люди приехали попьанствовать на то самое место, то нашли палатку, а в ней убитого. Вызвали милицию. Кто, что видел или слышал? Ну, и, непьющий, и добропорядочный НКВДшник вспомнил этих охотников, и сложил два и два. Особых примет не запомнил, лиц не разглядел, больше их не видел, стрельбы, кроме этой, больше не было. Так он и рассказал следователю. Дело, скорее всего, ляжет в архив. Как можно найти этих охотников? Такова история и он её рассказал. Теперь я могу собираться туда, откуда приехал. Больше он не собирается со мной разговаривать.

Ходики в голове сбросили ещё одну мысль на дно черепа. Стук – неужели я действительно так выгляжу, чтобы приехать к этому, как бы помягче, пенсионеру, и выслушивать эту галиматью?

Я постоял в тишине комнаты ещё, наверное, минуту решая, как мне быть. Поверить в это я не собирался – это не обсуждалось. Повернуться и уйти не попрощавшись? Скорее всего, на это и рассчитывали следователь с этим непьющим рыбаком. Устроить разнос? При моём характере трудно обойтись только словами. Будь, что будет. Только, надо сделать поинтереснее вступление. Поиграть с моей бездарностью в лейтенанта Коломбо. Сергей Гермогенович сидел и целился в меня своими глазами. Сидел, не двигаясь, как будто удерживал пружину, рвущуюся наружу.

– Да... уж.... Действительно, несчастный случай. Не повезло брату. Спасибо и на этом. Я пошёл.

Не так резко, как около входной двери, я повернулся и, как бы размышляя, медленно пошёл к выходу. Я сделал уже четыре шага, а его кресло даже не скрипнуло. Он сидел камнем. Остановившись в дверном проёме, и, как бы вспомнив что-то важное, поднял руку и обхватил ладонью затылок.

– Извините. Последний вопрос. Правда, последний. А зачем вы всё наврали?

Я засунул руки в карманы и перекатился с носков на пятки и обратно. Ещё раз оглядел комнату, и сделал шаг к столу. Странно, но мне показалось, что не только глаза, а всё лицо его изменилось. Да нет, не показалось. Оно – точно изменилось. Оно стало симметричным. У него глаза были не на одной линии. А теперь – симметрия! – Ты что, зверёк старый, решил, что я мальчик с красным галстуком и мне можно втирать всё что захочется? – Самое странное что происходило, так это то, что я говорил хорошей дикцией, но – спокойно. Я не верил происходящему со мной. Я не психовал и не лез в драку. Я разговаривал!

– Ты обосрал свою жизнь, придумал себе свою правду и решил, что так будет всегда? Твою мать! Заградотряд! Хочешь, я расскажу тебе, что это такое? Представь: город или село, – не важно. Живёт там такой Ваня, симпатичный парень. Школа, ФЗУ или что там ещё? Работает, свои заработанные деньги имеет, ОСОВИАХИМ, стрелок, передовик, а может и нет, – не суть. Но. он живёт, понимаешь, зверёк, он живёт! Через неделю у него свадьба, продукты уже прикупает. Барышня его к себе не подпускает – говорит, что только после свадьбы. Короче, жизнь – налаживается. И тут – война! Все охренели, что делать? Грянула мобилизация и всё такое. Призвали Ваню, посадили в теплушку и повезли – хрен знает куда! А рядом с ним ещё тысячи таких же Вань. Потом, где-то, высадили ночью, переодели в форму не по размеру, и дали пять патронов. А винтовку одну на пятерых. Вскоре появляется урод с пистолетом и приказывает: «Всем кричать ура! В атаку!» Ты можешь себя представить на его месте? Я – не могу. Да, пока, и не надо. Так вот. Вытолкнули их в чистое поле и погнали вперед. А впереди – сытомордые немцы не торопясь поливают этих пацанов из автоматов и гранатомётов. Вот где ужас! И появляется у Вани, в его холостой, голове один вопрос: «*****, за ЧТО?! ЧТО, я, кому-то сделал? Почему со мной так поступают?» Эта Родина выгнала его в чистое поле без единого шанса на спасение. Но, и этого мало. Ему, даже, не дали чем себя защитить. И бежит перепуганный Ваня, и только успевает замечать: – вот чья-то рука полетела, вот кто-то кишки подбирает, вот кто-то, по-настоящему, голову потерял. Везде кровь, грязь, крик, стон – СМЕРТЬ! А он, даже, с невестой ни разу... Оглядывается Ваня в поисках спасения, а его – нет! Нигде нет! Ты можешь себя представить на его месте? Да ничего ты не хочешь представлять, тварь! Потому, что оставшиеся от тысяч Вань десятки, повернули в испуге и панике. Они побежали назад, к своим. Они захотели жить, понимаешь, они захотели всего лишь того, чем ты занимаешься сейчас. Но, далеко они не отбежали. Потому, что в окопе сидит сытый и хорошо вооружённый Кураков Сергей Гермогенович, готовый подставить свои плечи под грядущую победу. И из этого пулемёта ты этих пацанов и ложил, да? Как, в тире. Очередями и одиночными. Этих пацанов, зашуганных властью, обезумевших от страха в первом бою, безоружных – ты их аккуратно клал замертво. Это – поддержание порядка. Сам ты с пулеметом и патронами в атаку ни-ни. Ну, правильно! А кто за порядком следить будет, а победу на плечах кто? Так? Да? Кураков! И сколько ребят за эти три года ты положил? И, что самое гнусное, во всём этом, что ты, ведь, гордишься этим. Ты, зверёныш, доволен собой! Я прав? А потом повесишь эти медали – и в школу, врать пионерам, чьих дедов ты собственноручно, как в тире. А ты в школе рассказывал детям, как ты Власова казнил? Пионервожатой с этим галстуком, рассказывал? Как наслаждался муками и унижением человека? Ощущал себя всесильным, да? А он, Власов, посмел ничего у вас, у зверья, не попросить. Обидел вас. Ты об этом рассказывал, может, в мэмуарах, своих, изобразил? Вот, ты уставился на меня, а ведь, ты, и вправду, подумывал поломать меня, когда я пришёл. Даже проговорился об этом. Зря бы время потратил. Только, вот то, что у тебя сейчас внутри происходит – вот что тебя, вместо меня, ломает. И жить твоей, дряхлой жопе, очень мало осталось, даже зарядка не поможет. Одно у тебя спасение – продай всё, или брось, и бегом туда, к оставленным тобой братским могилам. Найди их, Кураков, найди, встань на колени и молись. Молись, тварь, до кровавых слёз молись. Чтобы

эти мальчишки, тобою убитые, простили тебя. Молись, Сергей Гермогенович, каждую секунду молись и проси у них прощения. Иначе не будет тебе покоя нигде. Это, я, тебе, абсолютно точно говорю.

Я глубоко вздохнул, повернулся и пошёл к дверям, но, опять оглянулся. Дед сидел, не меняя позы, его глаза внимательно следили за мной. В руке, лежащей на столе, был пистолет. Я не знал, как ведут себя люди, на которых направлено оружие. Я просто не верил, что со мной это происходит по-настоящему, поэтому и не испугался. Первый раз не всегда страшно.

– Ещё одно. Ты не сидел в камышах у моста. Камыш растёт у пирса, а это метров сто в сторону, под мостом слишком мало пространства даже для пловца, поэтому под ним лодки не было. Противоположный берег метров на десять повыше, чем тот, на котором ты, возможно, и был. Поэтому, в палатку попасть из ружья с реки, просто невозможно. Её с реки не видно. Нельзя попасть и случайно, даже если стрелять навесом. Брата убили почти в упор. Придумал ты – плохо, врать – не умеешь, фотографии твои – говно, я – пошёл.

Но, никуда я не пошёл. Я стоял и пытался определить, куда старик всматривается? Эта точка находилась чуть повыше моего правого плеча. Я, даже, оглянулся, но ничего не увидел примечательного. Переведя взгляд снова на хозяина, мне стало интересно, а какую часть моего монолога он пропустил? Приоткрытый рот, вытекающая слюна, не реагирующие на движения зрачки. Он умер. Скорее всего, инсульт. На месте. За секунду. Так просто, сидя у себя дома за столом. Но, с пистолетом в руке. И, что, мне теперь, делать? Что его свалило? Может, не понравилось, как я отозвался об его фотографиях? Чушь. Что же делать? А ничего. Просто уйду. Рандеву окончено. Скорая не нужна. Следователь будет завтра его искать, чтобы узнать, как прошла встреча. Хорошо прошла. У него даже появилась симметрия в лице. Не зря говорят, что это правдивый признак скорой смерти.

Выйдя из дома, я посмотрел на пса. Он не увидел на мне резиновых тапочек, и решил зря не волноваться.

– Ты свободен. Найди себе другого хозяина.

Не может быть, чтобы меня понимали собаки. Но, пёс встал и, не потягиваясь, пошёл в сторону огорода. Наверное, он знал что делать. А что делать мне?

На ватных ногах я вышел со двора бывшего Куракова. Внутри у меня начиналась паника, грозящая перейти в открытую форму яростного бессилия. Даже во рту появился кислый привкус. Вспоминать сидящий за столом труп не хотелось, а как тогда отделаться от увиденного? Биологически я не чувствовал отвращения. НКВДшник не первый, кто умирал у меня на глазах. И не первый труп в своей жизни я только что видел. Самое противное, что не последний. Угнетало ощущение нахождения в капкане. Вспомнилась воронка в стакане с чаем. Вот куда меня затягивало, на дно. А какой выход у попавшего на дно? Либо, карабкаясь, вырваться на поверхность, либо «не тратьте, кум, силы, идите на дно». Надо выбирать первое. Причём, приступать к карабканью – прямо сейчас. Ну, помер, вояка, все умирают. А, с другой стороны, он, ведь, несчастный человек. Обычный, одинокий человек, которого Родина высосала до сухого состояния и выплюнула. Вот не верится мне, что его никогда не посещали мысли об убитых им на войне. Не поверю, что у него не было сердца. Это, скорее всего «окружение», в котором он был, «закалило» его. Среди таких же, как он, не принято было показывать свою человечность. Кругом враги, пощадя никому, на тебя вся надежда. Так, наверное, ему

вдалбливали комиссары, вернувшиеся с допросов Якира и остальных. Наверное, так. И добились благодатных всходов. Обильных всходов. Всю жизнь смотреть вокруг, как будто прицеливаешься. Уверовать в то, что, ты, и есть правосудие, и карающий меч. А теперь сосудик в мозгу – хлоп! И нету ни щита, ни меча. Сидит, он, один в пустом доме, течёт слюна, зрачки съехали под веки, приоткрытый рот... ни семьи, ни друзей. И собака ушла. И жизнь ушла. Жизнь на чужих идеях, жизнь от акции до акции, жизнь от страха за себя до необъяснимой жестокости. Выгорела, не начавшись, любовь. Привязанность кончалась сразу после окончания, не менее жестокого, полового акта. Сейчас даже некому уложить его и оплакать. Просто, по-человечески похоронить его, изуродованного страной и службой. Идут пионеры – привет Мальчишу. Летят самолёты – привет... Какие, в задницу, пионеры? Куда меня, опять, сносит? Хорош! Жалко мужика, умер, значит, так надо. Всё! Приеду в город, надо заказать проскомидию, свечку поставить в церкви. Прими, Господи, душу новопреставленного Сергия. Земля тебе пухом, Кураков, а пистолет ты на хрена достал, а? Пальнуть разок холостым и очень одиноким зарядом? Действительно, странно. Пришёл неизвестно кто, начал хамить, правда, без драки и угрозы расправы. Пистоля зачем? Я, что-то, сказал, чего не должен был, даже, знать? Или понял подлог в их игре со следователем? Тогда это проблема следователя. Это в его силах меня к ногтю прибрать. Скажем, за любовь к «Битлз». Или воин решил, что меня нельзя отпускать из села? Ведь прямой связи со следователем, скорее всего, нет. Посоветоваться не с кем. Так ведь? Нет, не так. Только сейчас раздали карты, а прикуп – у меня. Вот именно! У меня прикуп, чёрт бы побрал эти метафоры. Не тронут они меня, не имеют права! Ни за что не тронут, по крайней мере, ещё пару дней. Я им нужен. Не зря же меня сюда заманили? Что-то у нотариуса есть такого, что открыть, и попользоваться этим, могу, только, я. А, вот, когда открою, тогда мне надо будет беречь себя, если времени хватит. И сил. Пальнут потихоньку в спину проплывающие мимо охотники и привет, Кураков, заждался, поди? Стоять! Я в пистолетах не очень, но, судя по скошенному стволу, вояка держал в руке «Макаров». И санитар об этом говорил. Или совпадение, или... Если допустить, что это его наградное оружие, то в те годы не награждали этой маркой. Это совершенно точно. Энциклопедия не врёт. Откуда у него такой пистоль? Неужели он работал на заказ, этот Сергунька? Потихоньку отстреливал? А кто, в самом деле, будет его бояться? Шаркает ножками по асфальту мимо тебя, из авоськи достанет пистолетик и бац! Обратно в авоську сунет и пойдёт дальше. Охрана выскочит: что? где? Отец, не видел ли кого? Видел, милок, видел, двоих в спортивных костюмах побежали в подворотню. Спасибо, отец... Ой, как спасибо. Ну, разубедите меня?

Я подошёл вплотную к автостанции. Касса закрыта, всё закрыто. А ехать надо. Может просто пойти по улице и посмотреть, у кого есть машина во дворе? Вдруг получится договориться? Идти опять на Кураковскую улицу не хотелось, поэтому свернул на тупиковую, по правую руку от меня. Попытка найти машину, была удачной в каждом дворе. Но, выбор пал на «москвич» 2140, стоявший около четвёртого двора. Удивляться, увиденному, я начинал всё реже. Сиденья в салоне были обтянутыми чехлами странного цвета. Этот цвет присутствовал на шарфе паренька с запиской. Случайностей не бывает.

Хозяин машины ходил по двору и разговаривал по телефону. Спокойное лицо, крупные кисти рук и трёхдневная щетина. Именно к нему я решил обратиться, тем более, что, разговаривать он закончил.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте!

- Я тут проходил мимо и решил вас спросить. Можно?
- Ну?
- За какую сумму вы согласитесь довезти меня до города?
- Сейчас?
- Ну, да.
- А тебе куда надо?
- До «Руси».
- Туда не еду. Мне в другой край.
- Меня устроит до того места, где можно взять такси.
- Тогда – не вопрос. Закрываю дом и едем.
- Вы назовите сумму, вдруг у меня не хватит?
- Я всё равно в город еду. На бензин дашь и хватит.
- Согласен.

Минут через пять мы уже проезжали мимо автостанции. Я не хотел смотреть в направлении дома Куракова, но, глаза так сильно скосились в том направлении, что мне пришлось повернуть голову, чтобы не порвались глазные мышцы.

- По делам в нашей дыре?
- Да, по неудачным. Приехал к человеку, а его нет. Впустую день провёл.
- Сам Воронежский?
- Нет. Украина. Трезубец, сало и майдан.

Водитель рассмеялся. Просто открыл рот и рассмеялся. Так же просто он мог любить или ненавидеть.

- Ну и как у вас живётся?
- Смотря что называть жизнью. Если просто, как существование белковой материи, то жизнь на Украине есть. Остальное – точка зрения смотрящего.
- Значит, у вас напряг.

– Напряга везде хватает, даже на левом берегу Слоновой Кости. Просто, расчёт на возможные плюсы в жизни, который, должен был бы быть, не оправдался. Причём, совершенно.

– А зачем отделялись?

– Было три причины. Первая – эйфория. «Мы наш, мы новый мир построим». Кто был никем, тот тем и останется. Второй мотив – надежда на самих себя. Своя экономика, свои деньги, свой мир. Отсутствие принудиловки к просмотру программы «Время», нет ежегодных трауров по умирающим старцам. И третья часть Марлезонского балета, – обычное непонимание происходящего. Тогда вся страна смотрела на показываемые ей фокусы и верила. Верила, что это не фокусники, а волшебники. А оказались обычными факирами. От английского слова «фак». Вот, мы, и отнезависились.

– Может, о чём-то весёлом поговорим?

Остальную часть пути мы говорили ни о чём. Были анекдоты. Рассказы о личных весёлых случаях с дорожным патрулём, о вкусных яблоках и о погоде. Так мы добрались до города. Расплатившись и поблагодарив, я уже собрался выходить из машины, когда водитель осторожно взяв меня за локоть, сказал:

– Береги себя.

Не смогу толково описать своё состояние. Нечто подобное происходит, когда из вашего тела полностью вынимают все косточки. И только ваша одежда не позволяет вам рассыпаться полностью. Сил хватило, только, на обычное «Спасибо». Кое-как доковыляв до ближайшего кафе, я смог прийти в себя после двух чашек крепкого кофе. Что опять не так? Что такого мне сказал этот водила? Скорее всего, для меня в один день было слишком много перегрузок.

Добравшись до гостиничного номера, я долго стоял перед зеркалом. Сил хватило на одну фразу:

– Да, братец. Ты выглядишь опустошённым.

А что? По-моему, красивая фраза.

Голова не хотела перебирать впечатления дня, и сортировать ощущения. Ну, и не надо. Пойду спать. Утро вечера дряннее.

Просыпаться было трудно, но надо. Через несколько часов надо идти в кафе, чтобы побеседовать со следователем. И, о чём? Что-то рассказать ему о вчерашнем дне? Только не представляю, что именно. Андрей не отвечает, это тоже меня настораживает. Ощущаю себя одинокой штучкой, так же одиноко болтающейся в лунке. Только, не золотом. Куда Андрей подевался? В одиночку я могу день продержаться, от силы полтора. А дальше, без подсказок, я просто сгину. А не сочинить ли себе эпитафию, пока есть время? Например, такую: «Я здесь лежу, а вы стоите. Чего же вы ещё хотите?». Посетители кладбища будут останавливаться и читать. Может быть, и фотографировать будут. А я буду лежать, и мне будет приятно. Но, сколько не лежи, а вставать придётся.

Тело подчинялось нехотя. Но, надо было принимать человеческий облик. Я даже сделал зарядку, состоящую из наклонов, за, пару раз, упавшей зубной щёткой. Когда я понял, что

такие физические перегрузки мне не по силам, я примотал эту щётку лейкопластырем к руке. И тут же постучали в номер. Я решил, что это Андрей, и, без задней мысли, открыл дверь. Передо мной стояла горничная. Что она подумала о постояльце, у которого зубная щётка примотана к пальцам, я не знаю. Она только сказала, что придёт убрать номер попозже. Сама же, схватив тележку с моющими средствами, рывком бросила своё тело вдоль коридора. Я не успел даже глазами за ней проследить. Ей тоже не хотелось сегодня работать.

Теперь пришлось снимать с руки щётку. Куда-то заломился край пластыря, и размотать его стало невозможно. Ни ножниц, ни лезвия, ни ножа не было под рукой, чтобы снять оковы. Зачем я вообще заматывал? Или пойти, и повеселить администратора просьбой срезать пластырь? Да что же это за утро такое? Где этот Андрей?

Кое-как защемив дверью складку лейкопластыря, я всё-таки сорвал его с побелевших пальцев. А щётка, стерва, благополучно брякнулась на пол. Ну, и лежи!

Я вышел из ванной и начал одеваться. Надо пойти куда-нибудь пошататься, чего-нибудь бодрящего выпить, а там и время встречи подойдёт. Оглядев себя перед зеркалом, я пришёл к выводу, что вчерашнее опустошение начало заполняться. Остались тёмные круги под глазами, но не на бал же иду.

Перед тем как выйти, я, ещё разЮ оглядел комнату. Вроде, всё сделал, и ничего не забыл. Хотя, нет, ещё одна деталь. Зайдя в ванную комнату, я посмотрел на лежащую зубную щётку.

– Дура!

Теперь можно было уходить. Все утренние дела завершены.

Кафе действительно находилось там, где говорил следователь. Довольно симпатичная, с большим количеством деревьев улица, была закрыта для проезда машин, и вполне могла сойти за место для отдыха, и спокойных встреч. А само кафе – это переведённая в нежилой фонд квартира на первом этаже. В ней находилась кухня, рассчитанная максимум на микроволновку и кофеварку. Это было видно по меню. Шесть пластиковых столов до половины занимали тротуар. Кафе было рассчитано на отбивание денег за оформление взятки в исполком, а так же, чтобы, в тёплый сезон, побольше «накосить» на пиве. Бутылочное пиво нескольких сортов, и работающий приёмник на местной станции, раскрывали замысел хозяев. Как и количество столиков, увеличение которого влекло за собой установку туалета. Частым, и многопокупающим гостям, разрешали ходить в туалет внутри кафе. А одноразовые посетители, вроде меня, благополучно обгаживали подъезды соседних домов. Одним словом, обслуживание шло рука об руку с предоставляемыми услугами. Ничего страшного, что не в сторону улучшения. Главное движение, а не направление.

Следователь появился строго в обещанное время. Уселся в кресло и демонстративно уставился на часы.

– Еле успел. Думал, что опоздаю.

Вообще-то, спешивший человек, выглядит иначе. Похоже, для меня разыгрывали бездарный спектакль, где я, как зритель, должен был верить любому слову и любому человеку, только потому, что это – театр. Ладно, играйте. Я дождусь финала.

Следователь заказал сосиски и кофе, а когда официантка отошла, спросил, глядя ей вслед:

– Ну, что, был в селе?

– Да.

– Он говорил о том, что видел?

– Да.

– Ты сам должен понять, какое это сложное дело. Даже если я брошу все силы области на поиск охотников, которых описал дед, то, результаты, будут нулевые. Тем более, описать он никого не смог. Что я тогда буду искать? Ствол, из которого палили? Или трёх мужиков, которые, по правде говоря, не при делах. Пойми...

Зазвонил телефон. Он достал его с видимым раздражением, но разговаривал достаточно вежливо.

– Да. Здравсьте. Да. Да. В кафе, на Маркса. Да. Нет. Пока нет. Так и делаю. Не может быть?! Подумаю. Да. Хорошо. Думаю, уже сегодня. Спасибо (это официантке). Да, понял. До свидания.

По выражению его лица нельзя было понять, что подразумевалось под выражением «не может быть». Или ему сообщили про Куракова, или это не имеет ко мне никакого отношения.

– Начальство, блин! Они бы так платили, как трезвонят! Херовые сосиски. А есть – надо.

Отправив очередной кусок сосиски в рот, он замер, уставившись на меня. Допив кофе и закурив, я уставился на него. Точно. Ему сказали, что в районе бытовуха, дед, а я там был вчера, в смысле в районе, вот он и складывает головоломку. Давай, сопоставляй, на мне нет криминала. Дед пошабашил сам, оружие на месте, отпечатков моих нет, а собака своих не выдаёт.

Придя к какому-то решению, следователь, всё-таки, дожевал свой кусок и принялся за кофе.

– Так вот. Я про охотников? Прикинь, даже если их выцепят, что я им предъявлю? Небрежное обращение повлекшее? А, если, эти хантеры видели, пусть даже в магазине, уголовный кодекс, то потребуют доказательств и опознания. А кого этот старый пердун опознает? Он только твёрдо заявил, что это мужики. Не бабы. Ёперный балет! А если эти ребятки из Белого дома? Я из-за этого месяц звёздочками срать буду. Только вот брата твоего это не вернёт. Понимаю, справедливость. Но, как? Пересадить всех мужиков в округе, чтобы виновные не избежали наказания? Да и ствол. Экспертиза вряд ли определит ствол охотничьей берданки. Вот такая жопа.

Проникновенная речь. Финал впечатляет особенной выразительностью. Раз он выговаривается, надо и мне что-нибудь сказать? Андрей предупреждал – по обстоятельствам. Но, ведь любую вещь можно подвести под подходящее обстоятельство. Подвёл же врач привычку пациента откусывать заусенцы на пальцах, к возникновению рака нижней губы?

– Тебе ведь скоро уезжать. По-человечески, по-мужски прошу. Напиши отказ. Ты единственный родич. На отделе будет висеть мокруха, год без премии. Напиши, дело в архив. Ведь безрезультатно всё. Что скажешь?

Хотя бы бутылку предложил за отказную, жмот. Что я скажу? Кое-что.

– Мне и сказать особенно нечего. Конечно, ловить несуществующих охотников – глупо. Как и глупо всё остальное. Не было никаких охотников, свидетель не был тем утром на речке. В то утро и в последующие дни на речке никого не убивали. А брата убили в другом месте, перевезли на реку, быстро поставили палатку и кинули его туда. Делали всё второпях. А эта спешка лишила вас осторожности. Вот, послушай. Брат приезжает на речку один, ведь никто больше не упоминается, так? Один, в дорогом костюме, галстук, дыра в груди и в одном туфле. А второй где? Взрывной волной отбросило? От дома брата до реки – 41 километр. Чем он туда добирался? Пешком? Кто его вёз? Если вы со свидетелем решили меня на ёжика наколпачить, то ваше желание понятно, и объяснимо. Но, невыполнимо. Кстати у деда есть пистолет, а брата убила не дробь. Есть две правды в твоём рассказе. Первая. Никого ты не станешь искать, потому, как точно знаешь, кто и за что его убил. И вторая. Я действительно скоро уезжаю. Вот такая у мухи срака – на два пальца жиру.

Я ожидал продолжения банкета. Ну, говори, друг – следователь, не молчи. Что-то пошло не так? Или ошарашен моими познаниями в энтомологии?

Пока следователь, прищурившись, смотрел мне в лоб, я разглядывал прохожих. Теперь только одна вещь меня беспокоила, – как выбираться?

Мимо столиков по аллее шёл парень, ведя велосипед в поводу. Зачем-то на багажник он прикрутил рулевое колесо от Жигулей. А на руке у парня был повязан шарф знакомой расцветки. Что-то знакомое... Ё-моё! Это тот самый парень, первая встреча с запиской. А он, какими судьбами здесь?

Парень замедлил ход, взглянул на меня и слегка кивнул головой в сторону дороги, видимо предлагая мне туда же посмотреть. Я повернулся и увидел Андрея, который красноречиво постучал пальцем по наручным часам. До меня дошло – надо сматываться, быстрее упомянутой мухи.

– Всё, пока

Отодвинув, по-возможности аккуратно, шатающийся пластиковый стул, я встал, собираясь уйти.

– Я тебя ещё не отпускал.

– А мне, твоё разрешение, не нужно. Я не просто видел Уголовный кодекс в магазине, я его читал. Вызови повесткой – и поговорим.

Глава 4

Стараясь идти спокойно, чтобы не было видно нервной спешки, я направился к Андрею. Почему-то мысли крутились совсем не «по делу». Меня интересовало, почему так произвольно, без уведомления, незнакомые люди переходят на «ты»?

– Останови такси, едем к бассейну, в машине молчи.

Я сделал всё, что сказал Андрей, не спрашивая о причинах такой категоричности.

Маршрут поездки, и тема разговора, мне не были известны, поэтому, я просто рассматривал проплывающий за окнами неизвестный город. Честно говоря, я был доволен своим поведением и разговорами. Прокручивая в памяти всё сказанное, я придумывал всё новые обороты и фразы, которые могли бы сразить собеседников наповал, заставить их биться в испуганном раскаянии. А если ещё вот так сказать, то... то я, наверное, всё испортил бы. Если, уже не испортил. А вот прояви следователь побольше наглости, кто знает, кто был бы моим собеседником в обезьяннике у него в отделении. И, как, надолго. И был бы я, уже, не героем и разоблачителем, а шутком. Наверное, придётся по этому поводу от Андрея выслушать. Ой, придётся.

Мы проезжали по какому-то мосту, когда Андрей прошептал мне в самое ухо:

– Попроси остановиться здесь. Отпускай его.

Что и было сделано. Выйдя из машины и, не дожидаясь меня, Андрей прошёл вперёд метров на десять, и облокотился на перила. Я подошёл и встал рядом.

– Посмотри на воду. Она успокаивает и упорядочивает мысли.

– Когда ты уже начнёшь меня отчитывать? Я не маринист, чтобы любоваться водой. Что я сделал не так?

– Очень желательно, хотя бы раз в день, пересечь водный поток, или посмотреть на текущую воду. Всё нехорошее из головы, вроде бы вымывается. Усталость меньше, мысли яснее, успокаиваешься. Хорошо, когда через город течёт река. Хорошо, когда есть мосты. Спланировал дневной маршрут через мост – и день лучше проходит, и нервы целее. В Питере основное население дольше живёт, они рассудительны и спокойны. А почему? Там много рек и мостов. Люди чистятся несколько раз на день, даже не подозревая об этом. Думаешь, в блокаду выстояли только из любви к партии? Сам попробуй, пройдишь вдоль перил, посмотри на воду.

В другое время я поулыбался бы такому рассказу, но Андрей оказался совершенно прав. Я смотрел на реку, плывущую по своим делам, и как будто с меня стекало что-то держащее мои мысли в напряжении, как-то расслабилось тело. То, что мне казалось опасным, или героическим, стало обычной темой для разговора. Мне действительно стало намного спокойнее. Спасибо, природа.

– Теперь, нам надо уехать куда-нибудь подальше от людей. Спокойно поговорить. Попробуй остановить машину.

Долго ждать случая мне не пришлось. Нас отвезли к старому зданию бассейна, стоящему почти на окраине. Когда дорога перестала напоминать дорогу, а скорее направление движения, очевидной невероятностью город сменился окраиной. Гаражные кооперативы служили видимой границей города. Здесь нас высадили.

Я вышел, огляделся, и закурил. Андрей обошёл вокруг кучи ничейного кирпича, и пошёл по тропинке за гаражи. Я двинулся следом.

– У нас всё идёт с нарастающими новостями и изменениями планов. Мы считали, что в смерти Антона заинтересованы два человека. Теперь появился третий. У тебя с ним встреча в 16 часов.

– Нотариус?

– Нотариус. Его в этом деле не воспринимали серьёзно. Через него шли определённые документы. Он ставил печать, и получал гонорар. Но, любой документ – это информация. Закрытый документ – большая информация. А это плохо, когда в одних руках скапливается столько информации. Понимаешь?

– Он стал хранителем чужих тайн и захотел поучаствовать в деньгах, которые приходят, благодаря стуку его печати?

– Не только. Он захотел встать поближе к рулю. Ему захотелось не регистрировать документы, а визировать их. Такая, вот, вышла корпорация. Идея избавиться от твоего брата принадлежит ему.

– Сука!

– По сути верно, но, слово – отвратительное. Найди другое.

– Негодяй.

– Это – подходит. Всё сходилось на нём, но, Старик, вовремя и правильно разобрался. Нотариус – это лупа. Не вздумай рифмовать! Нотариус – это линза. Кто-то светит, а линза фокусирует, и направляет луч туда, куда надо. А теперь стал направлять туда, куда ему выгоднее. Свет – это информация. Только, линза начинает требовать определённой, выгодной ей информации. Другими словами, негласно, своими действиями, нотариус требует считаться с ним, как с ровней. Мы пока не можем точно вычислить, кто и есть светило. Кандидатов два. Больше тебе знать об этом не надо. Пока не надо. Только внимательно слушай, смотри и запоминай. Может и появится что-то интересное. Хорошо?

– Я буду смотреть и слушать. Что ещё?

Андрей попросил поподробнее рассказать о моих встречах за прошедшие сутки. Я рассказал всё настолько подробно, насколько смог запомнить. Андрей молчал минуты две.

– Ты сказал, что лицо Куракова как-то быстро стало симметричным.

– Да. Он меня с другим чертежом встречал, а когда...

– С каким чертежом?

– Ну, как объяснить? У него не на одной линии были глаза, как будто, он наклонил голову. А когда поставил её прямо, глаза остались в прежнем положении. У него и нос в сторону, и рот слегка перекошен. А потом как-то – раз! И всё на своих местах. Я, ведь, непрерывно на него не смотрел. Просто, после одного взгляда я, даже, запнулся.

– Кураков должен был умереть сегодня. Его должен убрать следователь. Этот приказ он получил по телефону, когда вы сидели в кафе. Он сейчас едет туда, в село.

– Окончил дело – гуляй, Отелло. Так?

– Примерно. Но, меня интересует другое. Лицо лишается ассиметрии, как минимум за сутки до смерти. А в твоём случае прошло несколько минут.

– Это – в его случае.

– Извини. В его случае. Значит ты ему сказал нечто такое...

– Во-первых, я уже сказал, что разыгрывал из себя Колумбо. Правда, бездарно, зато экспромтом. Во-вторых, я дословно не вспомню, что я говорил. Было о войне, о казнях, о детях, обзывал его. Стенограмму я не вёл.

– Это, всё, мне понятно. Пойми и ты. Не важно, о чём ты говорил. Важно, какими словами.

– Говорил русскими словами, взятыми из словаря Ожегова.

Просто, непонимание того, что именно хочет от меня Андрей, выводило меня из себя.

– Не сердись. Я попробую объяснить. Чтобы человек мог обратиться к Богу с благодарностью или просьбой, придумали молитвы. Их, говоря современным языком, обкатывали десятилетиями. Меняли слова, меняли количество вдохов и выдохов, отслеживали количество гласных и согласных звуков в словах. Это делали мудрейшие люди. Именно в определённом порядке произнесённые звуки дали тот, искомый результат. Потом подбирали слова из этих звуков. Например, молитва «Отче наш...» Именно в таком звучании она будет всегда услышана, поэтому её учат наизусть. А если её синхронно перевести на другой язык, то будет несколько простых предложений. Ты понимаешь, что я говорю?

– Да, понял. Эта молитва своими словами не будет услышана? Или как?

– Представь себе автомобиль. Когда работает мотор идеально, это, для уха специалиста, как звук благодарности за хороший технический уход. Но, вот в моторе произошёл сбой. Специалист сразу услышит, что в отлаженный звук работающего двигателя вклиниваются другие шумы. По этому, изменённому звучанию, и определяются неисправности. Когда человек молится своими словами, то наверх идут колебания, дающие возможность понять, какие неприятности произошли у молящего. Любая молитва – это колебания определённой частоты,

которые, благодаря многочисленным испытаниям, доведены до такого совершенства, что абсолютно без потерь доходят до Бога.

– Думаю, я понял.

– Вряд ли. Это надо ощутить на себе. Твоё время ещё придёт. Так, вот. Ты, в своём благородном гневе, сложил звуки в такие сочетания, что они вызвали остановку сердца. Поговорку, что словом можно убить, слышал? Это, теперь, про твой случай.

– Мне лучше молчать?

– Лучше думать, о чём говоришь. Это раз. Второе. Никогда не вступать в диалог в состоянии раздражения. Эту проблему, со словами, ты создал сам себе. Ты много читаешь, но, не анализируешь прочитанное. Ты читаешь мозгами, а надо разумом. Это, не одно и то же. Мозги – это сатана. Разум – это Бог.

Я смотрел на Андрея и понимал, что мои великие познания о жизни и её укладе, может, без труда, перетащить старый и больной муравей. Мне захотелось опять к воде.

– И что делать?

– Не знаю. Пока, не знаю. Могу только предположить. И попробуй вести себя, опираясь на предположение. Итак. Ты изменил план смерти. Хотел – не хотел, это не важно.

– Да нет, Андрюша, важно. Я, может быть, с сотней человек так разговаривал, а из них, к примеру, половина померла на другой день. В чём моя заслуга по изменению плана?

– Не веди себя, как простолюдин.

– То есть?

– Простолюдин никогда ни о чём не думает, он живёт по инстинктам. Поесть, поспать, в туалет.... Если повезёт, то секс. Всё. Четверть извилины на сотню человек. Это, кстати, не оскорбление, это констатация. Расскажу подробнее, но попозже. Никогда не перебивай говорящего, делая из его же слов вопрос. Надо дослушать всю мысль до конца, постараться её понять. И, только потом, вопросы. Отключи мозги. Слушай разумом.

– Хорошо бы научиться отключать. Ладно, продолжай.

– Придётся издалека. Человек не может умереть скоропостижно. У каждого человека своё время смерти. Может быть, плюс или минус несколько минут. Это определено самим человеком ещё до рождения. Каждый выбирает из поставленной задачи и сроки исполнения, и время ухода. Пока понятно?

– Понятно, но верится с трудом.

– Можешь верить. Способ смерти, как правило, не выбирается. Это зависит от окружающих людей, ситуации, времени года и ещё от десятка причин. Если к моменту ухода человек здоров, сидит дома, в тепле, под охраной, а ему надо уходить, то, он может захлебнуться

глотком воды, упасть и удариться головой об угол, сломается газовая плита и много ещё чего. Чаще всего человек, к моменту ухода, заболевает, и это помогает ему уйти. Если, кому-то, надо 15 января в 15 часов 15 минут уйти, а он здоровый, идёт по улице, и счастливее его никого нет, то его собьёт машина, упадёт кирпич, наркоман зарежет. То есть, произойдёт всё, чтобы помочь ему уйти. Понятно?

– Да. А почему нельзя заказать себе смерть во сне? Представь – тебя забивают до смерти отморозки. Сколько боли надо перетерпеть?

– Для тебя пока это сложно. Но, попробую. Твоя смерть – это способ повлиять на окружающих. Кто-то искренне пожалеет тебя, а это громадный плюс тому человеку. Кто-то ополчится на убийц, тоже искренне, и это плюс. Кто-то будет вытирать сухие глаза, и ждать поминальной трапезы. Люди хотят или не хотят этого, но меняются, добавляют к своей душе частичку настоящего, искреннего. Такая смерть может быть толчком для оживления равнодушных. Это – тоже хороший способ. Но, там, дома, душа не думает и не помнит о боли. Во время ухода болит тело, а не душа. Что такое тело? Это, вроде как пальто. Пришёл на землю – одел. Пришёл домой – снял. Ведь второй, третий раз, возвращаясь сюда, ты получаешь новое пальто. Это понятно? Ладно, четвёртый раз.

Все ресурсы моего разума показали нулевую загрузку – так меня сбила последняя фраза.

– Ты же собирался спросить меня, который раз ты на Земле? Из вежливости не спросил?

– А это не является посяганием на частную интеллектуальную собственность?

– Что именно?

– Подглядывание за моими вопросами?

– Если бы у тебя была интеллектуальная собственность, как у старого больного муравья, Кураков был бы жив до сегодня, и нам не пришлось бы играть в шпионов.

Вы знаете, что такое вакуум? Если знаете, то я вам скажу, что ни хрена вы не знаете! Это знаю только я. Особенно хорошо узнал после последней фразы.

– Просто этот вопрос был написан у тебя на лице.

– Можно, я выругаюсь?

– Это из сокровищницы твоей интеллектуальной собственности?

– Да пошёл ты!

– Не обижайся. Чтобы понять простые истины, которые тебя шокируют, надо начать думать. Отойти от инстинктов еды и туалета, и начать думать. Это, кстати, гораздо сложнее, чем заставить себя делать зарядку.

– Ладно. Дальше.

– А дальше – вот что. Уход случился на сутки раньше, не на десять минут, а на сутки. Равновесие уходов нарушено. Пришедший ангел не нашёл души, а она, душа Куракова, от глупости своей, успела за эти сутки тебе нагадить, Теперь, надо постараться предугадать, чего тебе ждать.

– Прости моё незнание. Приходит ангел? Или старуха?

– До сегодняшнего дня язычество сидит в людях сильнее, чем православие. У язычников смерть, что-то, вроде, наказания. И этому наказанию придумали соответствующий образ. Кроме того, почти во всех языках смерть – женского рода.

– А на самом деле...

– А на самом деле приходит ангел, красивый, одетый в белое. У него в руках что-то наподобие шприца. Он вводит шприц в ауру, в районе кадыка и освобождает душу. Проходя через иглу, душе видится тоннель, на другом конце которого виден сияющий белый ангел. Это и есть сияние в конце тоннеля. Говоря людскими мерками, душа входит в иглу около шести секунд. При этом движение тела, при котором старое пальто освобождается от хозяина, врачи называют предсмертными конвульсиями.

– Значит...

– Это, сейчас, ничего не значит. Изменив число противников в этой ситуации в твою пользу, Кураковская душа эмоционально произвела перевес против тебя. Вот, это сейчас что-то значит. Итак. Скорее всего сегодня, против тебя, будет, какая-то, провокация. Скорее всего, женщина. Во всяком случае, будь поосторожнее со всеми. Это раз. У нотариуса ты будешь спокойным, вежливым, рассудительным. Это – два. Даже если будут бить, будешь только извиняться. Сегодняшний день должен спокойно закончиться. Выйдешь от нотариуса, сбросишь мне сообщение. Решим, как поступать дальше. Сделаешь?

– Сделаю.

– Слово с тебя брат?

– Чтоб я семь лет на лодке не катался!

– Иногда ты... Ладно, проехали. Вызывай такси. Не надо опаздывать.

Я всё-таки умудрился расстроить Андрея к концу разговора. Может у меня такая защитная реакция на ожидающие неприятности? Надо быть внимательней к нему. Вроде для меня старается... Или я для него?

Наша беседа исключила обед, как таковой. Зато на ужине я отыграюсь сполна!

К офису нотариуса подъехали без пяти четыре, так что я успевал проявить чудеса пунктуальности. Секретарша заученно улыбнулась мне и указала на дверь. Я был в конторе впервые, а она без вопросов пропустила меня к шефу. Это надо принять к сведению.

Войдя, я оглядел кабинет. Несмотря на то, что здание, где располагалась контора, стояло по красной линии, окна его кабинета выходили во двор. С высоты второго этажа просматривался ухоженный дворик, без мусорных развалов и поломанных турников. Уютно и чисто. Я бы постеснялся бросить там окурок.

Кабинет был стандартной упаковки. Сейф, шкаф, стол и стулья. Над столом висел снимок президента, под которым и сидело чудовище, о котором мы с Андреем говорили полчаса назад. На вид ему было под пятьдесят. Лишний вес присутствовал. Но, скорее всего, он хозяина не отягощал, даже наоборот. Не стремящийся показаться стройнее, нотариус выглядел очень естественно и приятно. Высокий, с залысинами, лоб, был, какой-то совершенно гладкий, без морщин. Волосы зачесаны назад, и собраны в хвост. На носу у него висело пенсне – предмет моих страстных желаний. Владелец всего перечисленного поднялся из-за стола и сделал шаг на встречу.

– Добрый день. Прошу вас, присаживайтесь. Позвольте представиться – Аронов Сергей Маркович, государственный нотариус. А вы...

Он сделал вид, что ищет бумагу, в которой я мог быть записан. Ищи, ищи, твоя секретарша меня просто так пропустила, а ты, бедолага, позабыл, как меня зовут. Впрочем, искал он бумагу профессионально. Его артистизм вызывал восхищение. Высший балл – 6:0! А, может, он специально ждал, чтобы я сам назвался? Я подожду. Он меня вызвал, я не напрашивался.

– А, вот! Прошу меня простить, очень много дел. Вы у нас....

Он прочёл мои данные вслух, потом прочёл всё снова, но, одними глазами. Отложив листок, он посмотрел на меня вопросительно. Значит надо соблюсти обряд.

Я протянул свой паспорт. Ловко он открыл его одним движением. Прочёл, сверил меня с фотографией, подумал, и оставил мой паспорт на своей стороне стола.

– Итак. Если все формальности соблюдены, позвольте мне приступить к главному. Ваш покойный брат, Рейзбих Антон Дмитриевич, оставил у меня два распоряжения на ваш счёт. Оба распоряжения я должен огласить вам в случае, оговоренном в его завещании. Курите, если хотите.

Ах ты, красавец! Однотонной речью, почти лишённой интонационной окраски, ровно, не прерываясь он, предлагает закурить. Вроде и вежливость соблюдена, но расчёт на то, что посетитель, в этой монотонной речи, пропустит это предложение, оправдывался почти всегда. Красавец!

А вот – хрен тебе! Меня Андрей предупреждал о внимательности ко всему, поэтому я внимательно слушал и запоминал. Я закурил.

Он продолжал что-то говорить о поисках родственников, которые он, нотариус, принимал по просьбе брата, об ответственности за сохранность порученных ему бумаг и что-то узкоспециальное.

Моё поведение и моё внимание можно было оценивать по той же шкале, что и его артистизм

– Итак. Первое распоряжение касается конверта, который я обязан передать вам незамедлительно, после ознакомления с документом, удостоверяющим вашу личность.

Он взглянул на меня поверх пенсне (как же я хочу пенсне! Где они продаются?). Затем встал, подошёл к сейфу и достал из него конверт. Совершенно не торопясь сел, поправил галстук и сказал.

– Теперь пару слов от себя. Я не располагаю информацией, относительно содержания данного конверта. В моей практике были случаи, когда подобная процедура с передачей каких-либо документов наследникам, приводила последних в сильное расстройство. В свою очередь, они решали, что я являюсь виновником несостоятельности их иллюзий, относительно наследства. Были попытки физического давления на меня. Поэтому, я прошу вас, как мужчину, соблюсти в полном объёме присущие вам благородную сдержанность, и разумность поведения (8:0!!!) вне зависимости от того, какие известия принесёт вам содержимое этого конверта. Вы обещаете?

– Безусловно! Чтобы заранее вас успокоить, я могу сказать, что я не жду материальных благ от брата. Поэтому, меня сильно расстроит только одно. Вдруг, по завещанию, мне перейдёт его тёща.

Вот, что хотите со мной делайте, но, в тот момент, я усомнился в рассказе Андрея о нотариусе. Он так искренне расхохотался, буквально до слёз, что всё отрицательное о нём я счёл недостоверным.

Отсмеявшись добрых пару минут, он постарался вернуть себе официальный вид.

– Замечательно! Я буду, с вашего позволения, иногда рассказывать эту шутку возможным огорчённым наследникам.

Я обещал Андрею быть порядочным, поэтому великодушно разрешил.

– Теперь – формальная сторона дела. Прежде, чем вы заберете конверт, в моём присутствии вы должны убедиться в целостности самого конверта и всех печатей, поставленных мною лично. Прошу вас.

Я взял конверт и осмотрел его. Вроде и конверт цел, и сургуч не сломан. Об этом я и сказал.

– Прошу вас вернуть мне конверт. Такова процедура.

Нотариус положил конверт на открытый грессбук, нашёл соответствующую строку и пригласил меня расписаться. Пальцем он указал место моего автографа.

– Как в паспорте, пожалуйста. Да, замечательно. Этой подписью вы удостоверяете, что получили от меня конверт в сохранным состоянии. Возьмите его. Замечательно. Теперь далее. После ознакомления с письмом, нам придётся встретиться ещё раз. Об этом оговорено во втором распоряжении. Во второй ваш визит я, при вас, вскрою конверт, оставленный лично для меня. Если вы желаете, можете ознакомиться с содержимым конверта здесь. Если желаете, то

в любом, удобном для вас, месте. В любом случае, сообщите мне о дате вашего следующего посещения. Вот моя визитка.

Я с видимой благодарностью на лице принял визитку и поднялся.

– Благодарю вас. Я всё так и сделаю. Был рад нашему знакомству.

– До встречи.

Слабо мне верилось, что господин Аронов и есть тот самый дракон, который пешками в своей игре выбирает чужие жизни.

Я нашёл кафе и, пока готовилось эспрессо, набрал сообщение Андрею. В ответ пришло предложение, приехать на железнодорожный вокзал.

Кофе было так себе, зато горячий. Потихоньку отхлёбывая из чашки без ручки или из низкого стакана – сразу не разобрал, мне вдруг подумалось какой-то киношной фразой: «настал момент истины». В чём в данном случае заключался этот момент, не знаю. А вот в чём заключалось дальнейшее, можно было сказать с точностью до метра и минуты. Поможет письмо. Это, уже, не предчувствие, это уверенность.

Хотелось, очень хотелось открыть конверт и рассмотреть его содержимое. Но потом пришлось бы переспрашивать подробности у Андрея. И, тогда, была бы уже утеряна радость первого поцелуя. Причём здесь поцелуй? Всё! Допиваю одним глотком и еду.

Как специально, ехавшее такси, остановилось в паре метров от меня. Из него вышел мужчина в коричневой ветровке, лысый и с неприятным выражением лица. С такими лицами в кино играют полицаев. Этот «полицай», слегка наклонившись вперед при первых шагах по асфальту, напрямик направился к парадному входу в здание, где сидел нотариус.

Я подошёл к таксисту и назвал пункт назначения. Согласие было получено, и мы тронулись.

На вокзале я особенно не искал Андрея. Просто пошёл к киоску прессы. И просто там его нашёл.

– Добрый вечер!

– Добрый! Как прошла встреча?

– Нормально во всех отношениях. Я был скромн, а Аронов вежлив.

– Пока хорошо. Теперь план следующий. У входа в вокзал, слева от двери, стоит женщина. Джинсы, бейсболка, куртка до пояса, коричневые сапожки. В левой руке держит журнал.

– «Огонёк». Ты, что ли, Аня будешь? Привет от Фокса.

– Я никогда к твоим переменам в разговоре не привыкну. Я не знаю, как её зовут. Она сдаёт квартиру приезжим. Посуточно. Тихий район, спокойные соседи. При полной оплате, она никогда не интересуется постояльцами. Сними у неё квартиру на три дня. Оплати всё сразу.

Обычно она берёт паспорт в залог, уговори её этого не делать. Заплати побольше. И не переживай о деньгах. Можешь посорить. Денежные вопросы будут решены. Все. Далее. Квартиру оплатишь, и поедешь в гостиницу. В номер зайдёшь на пару минут. Включишь свет и отдёнешь штору. Определить с улицы окна своего номера сможешь?

– Думаю, что смогу.

– Я просил не давать мне уклончивых ответов. Нам надо сделать всё строго по плану. Я повторяю: строго.

– Смогу.

– Хорошо. Вещи из номера не забирай. Спустишься в холл, ключи не сдавай, иди в ресторан. Тебя должны видеть в гостинице. Поужинай. Только постарайся без приключений. Сможешь?

– Смотря сколько выпью.

– Сколько бы ни выпил. Напиши записку: «Веди себя скромно» и положи перед собой. Может, это тебя дисциплинирует. Да, прежде чем сесть за столик, посиди в баре, выпей, присмотришься к официантам. Смотри не на фигуру, а на поведение. Выбери того, кто вызовет больше доверия. Сядь за тот столик, который обслуживает этот официант. Дай понять, что ты при деньгах. Я, почему-то, уверен, что кто-то от наблюдения за тобой, перейдёт к контакту. Разговора не избегай, но, никому из подошедших, не верь. Когда разговор зайдёт дальше, чем это нужно, попроси официанта вывести тебя через кухню. Отблаговаришь обязательно. На улице найдёшь такси и поедешь на квартиру. По дороге отправишь мне сообщение. Я приеду и расскажу очень много. Началось то, чего не очень ждали. Мы просчитывали это, как один из вариантов, но – получается наоборот. И, если можно, приезжай на квартиру не в пять утра. Завтра дел много. И последнее. Купи себе туалетные принадлежности, свои оставь в номере. Лейкопластырь не бери.

– Когда всё закончится, я тебе по жопе настучу. За подглядывания и подколки. А, кстати...

– Всё расскажу, когда увидимся на квартире.

– Ладно. Я пошёл.

На оговоренном месте я увидел даму, приятную во всех отношениях. Кроме одного. У неё были золотые плоскогубцы во рту. Они её не портили, но, и не украшали. Я бы, на её месте, поставил бы более зрелищные коронки.

– Добрый день.

– Привет.

– Мне квартира нужна.

– Две тысячи в сутки. Тихо, чисто, спокойно.

- Мне дня на три-четыре.
- Один?
- Один.
- Девиц не водить, не сорить, не шуметь.
- А если девицы понадобятся?
- Мне позвонишь. Будут проверенные.
- Договорились. Будем смотреть?
- А где вещи?
- А я налегке.
- ???
- В камере хранения вещи. Мне сюда ещё возвращаться. Передачу получать.
- Тогда – поехали.

На такси мы быстро подъехали к моей явочной квартире. Район был действительно спокойный. Трехэтажные дома стояли шестиугольником, образуя и прикрывая внутренний дворик. Квартира было на первом этаже. Двухкомнатная, большая, спокойная, с необходимым набором мебели. Жить – можно.

- Если куришь – проветривай. Если надо – могу готовить, но, это – отдельная плата.
- Как вас зовут?
- Аня.
- Привет от Фокса.
- Чё?

– Шутка. Аня, давайте договоримся так. Оставим официальный тон и поговорим попроще. Меня устраивает квартира. И цена устраивает. Если вам не в напряг готовить, то буду рад. Только, вряд ли смогу покупать продукты. И мне очень-очень нужен будет мой паспорт. Поэтому предлагаю следующее. Я согласен платить за те услуги, о которых вы сказали столько, сколько скажете. Только паспорт в залог дать не могу. Могу деньгами. Решайте.

- Без паспорта? А он, вообще, есть?
- А то!

Она просмотрела паспорт и, как-то, подобрела.

– За всё и без паспорта три тыщи в сутки.

– Я плачу сразу. Может, мы что-то пропустили?

– Не, нормально. Но, я живу здесь рядом, так что приходите и проверять буду.

– Хорошо.

Расчёт произведён, заказ на бутербродный ужин оговорён. Мы расстались, довольные друг другом. Номерами телефонов обменялись.

Я прилег на диван, закурил и начал вспоминать план действий. Значит так. Гостиница, свет и штора на окне, потом засветиться у администратора и в ресторан. Свет и засветиться. Засветиться светом. Вот, как оно светиться. Встреча в кафе с ментом не зря. Ведь он меня кому-то показал! Точно! А потом – секретарша меня пропустила. А мент, красавец, сначала, для вида, психанул, мол, я тебя не отпускал, а потом, вроде смирился. Всё равно он меня достанет. А может, кто-то следит за мной? Тогда какой смысл в этой квартире? Здесь меня ещё проще достать, чем в «Руси». А куда конверт девать? В карман не влезет, и в руках таскать не буду. Я попробовал конверт на сгибаемость. Получилось. Значит, куплю лейкопластырь. Слышишь, Андрей-провидец, куплю, таки. И прикручу его к ноге. Под джинсами незаметно. Так. Что дальше? Осмотреть окна, потом в бар, вести себя тихо и через кухню уйти. По тропе Хо Ши Мина. Ну, тогда с Богом.

Я запер дверь и пошёл искать такси. По пути мне не удавалось остановиться на одной какой-нибудь мысли. Мешал скучавший без меня водила.

– Приезжий?

– Да. Иностранец.

– Во, как! Откуда?

– Из соседней неньки.

– Хорошее название. А почему иностранец?

– Ну, граница ведь есть? А я – из-за неё.

– Та, то такая граница. Вот мой братан раза два в неделю гоняет к вам фуру. Так он...

Слушать его не хотелось. Какой-то, он, многословный. И родственников у него много. И все ездят на Украину. Ну, и молодцы.

Вскоре мы подъехали, и я, с облегчением, расплатился с ним. В гостинице я сделал всё, о чём говорил Андрей. Выглянул из окна, чтобы найти ориентир на земле, по которому определить свой номер. Заглянул в ванную комнату. На меня, нагло улыбаясь бело-синей щетиной, смотрела зубная щётка, гордо сидевшая в стакане. Ну, и сиди!

Я спустился в холл. У стойки администратора никого не было. Пришлось звякнуть в настольный колокольчик. Вышедший на его звук парень, моментально приклеил к лицу улыбку. Я представился и спросил, нет ли для меня корреспонденции? Оказалось, что нет. Ну и ладно, обойдусь. Поблагодарив, я пошёл в ресторан.

Гостиничный ресторан особенно ничем не отличался от своих собратьев в других городах. Я, имею в виду, интерьер. Но, почти в каждом был кухонный запах. А в этом – не было.

Я устроился у барной стойки и закурил. Тут же – пепельница и улыбка. Чуть дальше было лицо. Я попросил джин с тоником.

– Какой тоник предпочитаете?

– Ну, конечно, «Швепс».

Уважительно покивав головой, бармен отдалился, и занялся приготовлением напитка. А какой ещё есть тоник? Я знаю только это название.

Теперь – зал и официантка. Выбирать было сложно. Зал пуст. Посетители только в баре. Из кого выбирать? Или два часа сидеть сиднем? Сяду, где сяду, а там – как карта ляжет. Хотя, нет. Отбой. Не зря Андрей так тщательно инструктировал. Разница, всё-таки, есть. Тем более, что этот коктейль мне понравился.

– А когда собирается народ?

– Часам к восьми-девяти, а так – заходят, только, перекусить.

– А музыка есть?

– Ребята скоро выйдут. Хорошие музыканты. Вы в гостинице остановились?

– Ага.

– А откуда, если не секрет?

– Украина.

– Понятно. А у вас нет украинского ресторанного анекдота?

– Что-то такое есть. Только, насколько он ресторанный...

– Давайте.

– Вы знаете, от какого слова произошло русское слово «коктейль»?

– Не-а, не знаю.

– От французского слова «коктейль».

Бармен довольно засмеялся, посмотрел в зал, в мой стакан, и вышел в подсобку. Через минуту он появился гораздо довольнее, чем когда услышал анекдот.

– От меня вам ещё один французский коктейль. Мой напарник собирает ресторанные анекдоты. Я ему ваш продал. Так, что – вот ваш приз.

Он поставил передо мной ещё одну порцию. Я был не против. Может бармену придётся меня выводить. Тогда надо с ним поговорить ещё.

– Я одно время играл в ресторане.

– Где?

– Ну, это было в советское время. В Запорожье, в «Интуристе». Так, вот. Там был популярный анекдот. Если, вы его знаете, то, остановите меня, хорошо?

– Договорились.

– Приходит посетитель в ресторан. Садится за столик и говорит официанту: «Двести водки, кошку и стакан бензина». Официант отвечает: «А где я тебе кошку возьму?». Посетитель ему: «Я плачу. Неси». Официант заломил цену, посетитель заплатил. Вышел во двор официант, поймал на помойке кошку, слил со своей машины бензин и принёс посетителю. Тот выпивает водку, зажимает голову кошки между колен, раскрывает ей рот и вливает бензин. Закончив, отпускает кошку. Та, ошалевшая, стала носиться по залу. Потом упала и затихла. Посетитель говорит: «Всё. Бензин кончился».

Бармен присел, беззвучно тряся плечами. Потом выпрямился и засмеялся в голос.

– Я сейчас.

Через пару минут из-за тонкой перегородки подсобки раздался взрыв хохота. Купля-продажа анекдота состоялась. Это, было, понятно. Дверь открылась, и вышел, теперь уже мой приятель, с покрасневшими глазами. Ничего не говоря, он поставил ещё один стакан передо мной и протянул руку.

– Вадим. Если что понадобится – говори мне. Я на тебе сегодня подзаработал.

– Рад был помочь.

– Ужинать будешь?

– Хотелось бы.

– Только за ужин уже плати сам. Я – только в баре.

– Не переживай.

– Садись за тот столик, – он показал рукой на столик у окна, – на нём хорошая девочка работает.

– Спасибо.

Я сидел, пил свой трофей, и пытался отпустить нервы, чтобы неожиданность, предсказанная Андреем, не взорвала меня раньше времени.

Уже начали сходить посетители, музыканты начали играть что-то тихое и спокойное. Я получил свой заказ.

Вечерняя ресторанный жизнь не отличалась никогда, нигде и ни чем. Где бы ни приходилось бывать, всё начинается по одним и тем же правилам. По ним же и кончается. Ухаживание и внимание к дамам, выпивание с отставленным мизинцем и глотание уже из стакана. Прихрашивание и вылезшая рубашка из брюк. Медленное покачивание в танце и бессмысленная дикая пляска. Всё это – ресторан. Так было всегда.

– У вас свободно?

Высокая, рыжая, в облегающем платье, туфли и косметика в тон платью, ногти правильной формы. В зале было штук пять свободных столиков.

– Чем обязан?

– Позвольте присесть?

Началось.

– Ну, если больше нигде...

– Спасибо.

Новый персонаж, или новая, положила локти на стол и внимательно на меня посмотрела. Затем откинулась на спинку стула и многозначительно сказала:

– Именно таким я вас и представляла.

– В своих мечтах?

– Нет.

– А где?

– Не пытайтесь быть циничным. Вам не идёт.

– Мне идёт есть и выпивать.

Теперь она, молча на меня смотрела. Просто сидела и смотрела. А у меня кусок в горло не лез. Тут показалась официантка.

– Будьте добры, сто граммов водки. Вы что-нибудь закажете?

– Позже.

– Ну, ладно.

Теперь её очередь думать над продолжением разговора

– Вы ведь приехали по делам своего брата?

Я постарался пополнее набить рот. Теперь я мог только кивать. Начал с вертикального движения.

– Я работаю в газете. Хочу взять у вас интервью.

Вот, гадство! Я уже прожевал. Теперь надо что-то отвечать.

– В заводской многотиражке?

– А вы – шутник.

– Видели бы вы меня в танкистском шлеме! Вот, где смеху!

– Так, как насчёт интервью?

Она опёрлась левым локтем на столик, и подалась всем телом вперед.

– Если я мешаю вам ужинать, то, потом, мы могли бы подняться к вам в номер.

Ага! Не пойду я в номер даже с тобой. Там – зубная щётка.

– Я не даю интервью.

– Отчего же?

Такое ласковое удивление... Ей оставалось только кончиками пальцев поводить мне по руке.

– Не люблю.

– Интервью или журналистов?

– И то, и другое. У меня от этого изжога.

– А что вы любите?

– Бабушку и котят. Не будет у нас интервью.

– Ну, хотя бы объясните, почему вы отказываетесь?

– А как вы вообще узнали, что я это я?

– Портье вас показал.

– Вы сюда на машине?

– А что?

– Просто интересно.

– На такси.

– Вы собираетесь всё запомнить? Всё интервью? Даты, числа, суммы, фамилии? А потом, по памяти, документально точно воспроизвести в репортаже?

– Что вам не нравится?

– Не нравится вот что. Я никого не трогал, просто ужинал. Подходит мадам и говорит, что она журналистка. Я уже не говорю о блокноте и ручке. Я не говорю о диктофоне. Я не говорю об удостоверении и визитке. Я говорю об обычной сумочке. Вы собрались заказывать. А деньги откуда будете доставать?

Она просто смотрела на меня без всяких эмоций. Я допил водку и помахал официантке. Оплатив свой заказ, я решил, что пора исчезать. Журналистка она, или нет, но свиданий на сегодня уже хватит.

– И вы, даже, не представились. Пока.

Я вышел из-за стола и пошёл к бару. Бармен встретил меня улыбкой.

– Я посижу у вас немного?

– Да, пожалуйста!

– Вадим, а кто эта дама?

Он не стал даже смотреть в зал, чтобы понять о ком я спрашиваю.

– Ну, как сказать... Это дама от Ковальца.

– Очень хорошо. А, кто у нас Ковалец?

– А, ну да, вы не отсюда. Это – наш будущий мэр. Скоро, говорят, перевыборы. Он считает, что должен стать мэром.

– Бандит?

– Нет. У него папаша в Москве высоко сидит. А сынок решил порулить в городе.

– Понятно.

– А чего она хотела?

– Пойти в номер и взять интервью.

Вадим поджал губы и, как мне показалось, с пониманием покачал головой. Я оглянулся и увидел, что девица тоже вышла из-за стола и направилась к выходу.

– Вадим, поможешь?

– Что?

– Здесь есть другой выход?

– Через кухню.

– Ты меня не выведешь? Не хочу с ней встречаться. По – моему, она в холле торчит.

– Не вопрос. Пошли.

Мы вышли на задний двор гостиницы, сразу за стоянкой.

– Спасибо, Вадим. Ещё зайду.

– Счастливо.

Мы расстались. Здесь снова действовали правила ресторанного быта. Позади ресторанов всегда темно.

Но, выбраться удалось. Я обошёл гостиницу вокруг, только по противоположной стороне улицы, и посмотрел на окна. Шторы были закрыты. Я, провалился, как Плейшнер. Тогда на доклад к Андрею. И срочно.

Я приехал на съёмную квартиру в половине девятого. Андрей уже стоял около подъездной двери. Было заметно, что история, в которой мы с Андреем оказались в качестве главных героев, достаточно сильно его беспокоила. Андрей пришёл в той же самой одежде, что и при нашем знакомстве. Всё было то же самое, только выглядел он как-то, не подберу нужного слова... Смутно, то ли. Может это усталость, может переживание из-за меня. Я могу только догадываться, но создавалось впечатление, что, из него, что-то, незримое, вытекло. То, что подпитывало его организм и поддерживало тонус. Точно, он был смутный. И блёклый. Жаль парня.

Мы вошли в квартиру. Андрей попросил не зажигать пока свет. Во дворе достаточно ярко горела подъездная лампочка, так, что в квартире было не темно. Газету не считаешь, но, в целом, сносно.

Мы сели в зале. Я на диване, Андрей пристроился в кресле. Откатив штанину, я отклеил лейкопластырь и снял конверт. Одновременно я сделал себе эпиляцию. Где мои мозги были, когда я приклеивал пластырь? Ведь надо было подумать, что его придётся снимать. Вот, оболтус! Хорошо ещё, что боль начала проходить уже через пяток секунд. Как раз тогда, когда я в своих высказываниях дошёл до родителей создателя пластыря.

Я разломал сургучные печати и отклеил клапан конверта. Всё это время Андрей смотрел в окно с какой-то жалостью в лице. По – моему ему было совсем не интересно, что в конверте. Или он знал.

Содержимое конверта состояло из письма и пластиковой карты с магнитной лентой сзади. Спереди, на карточке, была надпись по-английски, гласившая, что это персональный ключ от чего-то там в банке. Я помахал перед Андреевым лицом этой карточкой. Он медленно повернул ко мне голову и кивнул.

– На вокзале ты хотел о чём-то спросить. Спрашивай сейчас. У нас тяжёлый и долгий разговор. Не надо нам отвлекаться. Спрашивай.

– Кто такой Старик?

– Позже ты познакомишься с ним. Тогда, всё, и выяснишь. Дальше.

– Ладно. Откуда ты знал, что будет провокация, женщина и всё такое?

– Если можно, то об этом попозже. Через три-четыре дня, у тебя будет полный отчёт обо всём, что тебе было не понятно в моих словах. Сейчас только потратим время. А его уже мало... Дальше.

– Тогда общий вопрос. Ты сказал, что время смерти человек выбирает сам. А как же самоубийцы? Или приговорённые к смерти?

– Рассказывать подробно не буду. Только намёк. Некто в своих мыслях дошёл до идеи самоубийства. Но, его время не пришло. Тот, кто полез в петлю, оказывается спасённым зашедшим соседом, родственником, другом – всё равно кем. Его – просто спасают. Некто решил застрелиться. Пуля, по касательной, только ранила человека, и он остался в живых. Если стрелял в грудь, рядом с жизненно важным органом прошёл заряд, или пуля – не важно что. Операция, реанимация, психиатр. Некто выбросился из окна. Тот же эффект. Переломы, сотрясения, прикованный к постели на всю оставшуюся жизнь, психиатр. Если топиться, то просто воспаление лёгких. Если травится газом, то, скорее всего, соседи выбьют ему двери и несколько зубов, затем, снова психиатр. Психиатр будет во всех случаях. А в положенный срок, человек умирает даже от не очень тяжёлой травмы.

– Последний вопрос. А как происходит возвращение к жизни? Душа возвращается в тело, в случае клинической смерти, всегда под действием электрошока или укола в сердце? Или она и без нагрузок на организм вернулась бы?

– Однозначного ответа нет. Иногда она сама возвращается, несмотря на любую степень тяжести заболевания. Но, это редко. Гораздо чаще возвращаются двигательные функции организма. Но, души в том теле нет. С точки зрения биологии-этот человек жив. Но, это растение. И его душа не уходит домой. Фактически, он не умер, потому что задачи, поставленные для

выполнения, не доведены до конца. Поэтому душа ни на Земле, ни дома. Поэтому, надо в каждом отдельном случае отдельно разбираться. Но, поскольку даже в мирное время медицина остаётся военно – полевой, то и лечение, и реанимация, ни ответов не дают, ни помощи толковой не оказывают. И, что касается, приговорённых. Их практически никогда не казнят сразу после вынесения приговора. Они ждут своего срока. Вступают в силу кассационные жалобы, прошения о помиловании и такое прочее. Умирают всегда те, чей срок пришёл. За, очень редчайшими исключениями, о которых все помнят. Я имею ввиду тех, кому можно помнить. Ещё что-нибудь?

– Да, всё уж. Сколько ни оттягивай, всё равно придётся начинать наш разговор. Да, а когда похороны Антона?

– Завтра в двенадцать. Но, сначала прочти письмо.

Я развернул листок, остававшийся нетронутым с момента вскрытия конверта. Написано было от руки, почерк не ровный с наклоном влево. Вот, что там было.

«Здравствуй, близнец! Вот и пришлось пообщаться с тобой, правда только в эпистолярном жанре. Поскольку ты читаешь это письмо, значит, со мной уже произошло то, что я и подозревал. Я не буду просить, чтобы чаша сия обминула меня. Значит – так надо. Жаль, что не довёл до конца дело, которое, как я понимаю сейчас, не стоило начинать.

Я сумел заработать достаточно большой капитал, чтобы не иметь возможности оставаться в тени. Действительность такова, что у меня появились «друзья» и «покровители», которые очень хотели отобрать эти деньги. Но не денег мне жалко, меня страшат те цели, на которые они могли бы пойти. Но теперь от лирики к делу.

Большую часть своих денег я вывел на Украину и, пользуясь тем, что там можно купить всё, что хочешь, я купил телекомпанию с лицензией на вещание, с эфирной частотой и правом работы на десять лет. Технически, студия совершенно готова к работе, аппаратура – самая современная, мощные ретрансляторы. Это приобретение стоит сто семьдесят миллионов. И сразу ко мне обратились два человека – Соколов и Ковалец. Их предложение я не мог отклонить. Поверь, что не мог. Тогда, я создал акционерное общество, и подписал акции на сумму, составляющую половину номинальной стоимости телестудии. Но, поскольку их предложение было для меня почти как приговор, я предложил им по десять процентов акций, которые, я, им, просто отдал. По понятным причинам, телестудия, пока, не запущена в работу. Я пытался найти способ, как избавиться от моих акционеров. Но, выходит так, что они нашли способ избавиться от меня.

Глава 5

Могу ли я обратиться к тебе с просьбой? Доведи, если сможешь это дело до конца. Не могу даже думать, что такие люди смогут сделать с такими деньгами.

Итак. Первое. В банке, по предъявлению этой карточки, кода, (он на отдельном листе) и кодового слова «МАГДАЛИНА», получишь доступ к именному депозитному сейфу. Он на моё и твоё имя. В сейфе лежат наличные деньги в валюте. Сумма равна номиналу акций Ковальца и Соколова. Попытайся выкупить у них акции. Второе. В случае удачного исхода, ты становишься единственным владельцем этой телестудии. Что ты будешь с ней делать – это по твоему произволу. Я, только, надеюсь, что твоё благоразумие победит алчность. Если захочешь продать свою долю, пусти деньги на благотворительность. На адресную благотворительность. И о себе не забудь.

Третье. Возможно, что договор с «акционерами» не принесёт положительного результата. Тогда, поступай, как сочтешь нужным. Я не хочу казаться жестоким, но прекрасно понимаю, что может с тобой произойти, и на что я тебя толкаю.

Во всяком случае, я рад, что пообщался с тобой, хотя бы, таким образом. Пообщался с братом, которого никогда не видел. Очень хочу, чтобы ты был счастлив. Береги себя, очень тебя прошу, береги!

С любовью Антон Рейзбих.»

Я отложил письмо и поискал в конверте записку с кодом. Её не было. Как я не искал, она не находилась. И только когда я разорвал конверт, то на внутренней стороне нашёл короткую надпись. Семь цифр и слово «Магдалина», в котором буква «Л» была латинской. Довольно хитро. Не сразу разгадаешь.

– Я прочёл.

– Всё понятно из того, что ты прочитал?

– Письмо мне понятно полностью. Но, появилась необходимость в разъяснениях. Давай рассказывай сам, без вопросов.

Снова Андрей уставился в окно. Что ему так не себе? Да продадим мы эту студию, гори она ярким пламенем, и всё! А, что, так странно, звучит это – «всё»? А не будет ли так, что слово «всё», будет иметь самое прямое отношение ко мне? Кто мне, приبلудному огрызку, даст деньги за телестанцию? И не проще ли пальцы в дверь и весёлый свист? Заставят подписать меня эти бумаги, а я ещё должен буду сказать спасибо, что в живых оставили. Ё-моё, а я тут ещё королём ходил, правду-матку резал. И кому? Может быть своему будущему палачу. И, даже, если, время моего ухода ещё не пришло, то остаток дней буду растением. От таких перспектив холодок поднялся вверх по спине. Противно заныл затылок и, как-то, сразу пересохло во рту. А может сегодня уехать домой? Так, и там найдут. Нотариус паспорт с пропиской видел, следователь видел. Только, я этого капкана не увидел. А руки потеют когда страшно, или очень страшно? Надо их вытереть о диван. А чего это Андрей никогда за руку не здороваются?

– Ситуация сложилась действительно, хуже некуда. Что самое плохое – здесь не будет простого решения. Легко не выйти из этой ситуации.

– Так, может, я просто пойду и под трамвай? Может быть, какая-нибудь Аннушка и масло, уже, пролила?

– Может быть, может быть...

– Ты, дружок, умеешь приободрить.

– Пока, завтра – нет, есть сегодня. Вот, и будем решать. Отключай свою говорилку и начинаем сосредотачиваться. Я тебе поставлю задачу и, даст Бог, найдём выход. Итак. Ковалец, Николай Николаевич. Не умен, амбиции прут через край, по сути – павлин. Если бы не отец, то, он, был бы, по своим умственным данным, бригадиром дворников. А так его отец – мощнейшая поддержка. Он, в советское время, сумел высоко взобраться по партийной линии. Отсюда – и до Москвы. Но, вовремя ему подсказали появившиеся покровители, что надо не только руководить, но и зарабатывать, и он перешёл на хозяйственную работу. Он немного потерял власть, но приобрёл деньги и нужные связи. Выше зама никогда не поднимался. Зам имеет те же блага, а ответственности меньше. Потом развалилась страна, а он остался на плаву. Тут подросток сын, подросток и его гонор, перешедший в маниакальную идею стать мэром. Денег на предвыборную кампанию тратиться столько, что мэром он станет. Можно не сомневаться. По слухам, его папа от этого не в восторге, но, чем бы дитя не тешилось, лишь бы в тюрьме не сидело. А у него была такая возможность. Теперь второй. Соколов Лев Иванович. Кличка Хок. Он на зоне похвастался знанием языков, и перевёл свою фамилию на английский. Хотя хок – это ястреб. Но, эта кличка к нему пристала и оттеснила предыдущую – Хоттабыч. Почему Хоттабыч, никто не знает, или, не хочет говорить. Соколов делает вид, что он смотрящий в городе. Он вор в законе, имеет доступ к общаку, но не в такой степени, в какой хочет показаться. Вальяжный, самолюбивый, любит подлиз. На серьёзные дела не идёт, больше впустую тарыхтит. Ходят слухи, что им не очень довольны областные воры. Но, его пока не трогают. Во-первых, пока не за что, а во-вторых, перед братвой не хотят междусобойчик устраивать. Хок, не против померяться силами с Ковальцом в отношении высокого кресла. Предвыборная кампания ещё официально не началась, поэтому между ними идёт позиционная борьба на районном уровне. Что между ними начнётся в официально разрешённое время – трудно представить. Теперь опасность. При разговоре с Соколовым ни в коем случае не употреблять его старую кличку Хоттабыч. Постараться не упоминать и новую. Не показывать знания языков. Не поправлять, если скажет что-нибудь не так, в смысле грамматики. Постарайся держаться с достоинством, но дай ему понять, что для тебя, приезжего, он – фигура серьёзная. У тебя были знакомые, которые сидели?

– Конечно.

– Постарайся вспомнить лексику, обороты речи, жесты, которыми они пользовались. Естественно, сам не вздумай этим пользоваться. Будешь оценивать его поведение и речь в полном объёме. Может какой –нибудь жест и подскажет то, что не будет произнесено. Далее. Эти двое хорошо ладят друг с другом. Но, только, на людях. Они часто бывают в одной компании, совместные пикники. Но, ненависть между ними – прочная. При первой возможности подставят друг друга с плохо скрываемым наслаждением. Тем более, что их двое, а кресло одно. Замом никто ни у кого не будет. Вопросы есть?

– Пока нет. Может, быть, потом?

– Теперь – самое плохое. Третья фигура, как ты уже понял, нотариус Аронов. С ним и проще, и сложнее. Он не ищет сложных ходов. Его друг, следователь, своими погонами помогает ему добывать деньги. Средства – любые. Одно из самых проверенных – физическое устранение. Могут и помягче. Человека прячут в камере и следователь выбивает из него нужный результат. Аронов тоже хочет телестудию. Всю, полностью. Если удастся договориться с первыми двумя, то, нотариус и следователь, могут решить вопрос в одностороннем порядке... Поэтому я не буду говорить, что очень сожалею о том, что ты втянут в это дело. Ты уже втянут, и никакие слова о сожалении не помогут из него выбраться. Но, я действительно очень сожалею. Правда.

– Чего уж там. Снявши голову, по волосам не плачут. Я, вот, о чём подумал. Без денег нельзя, это понятно. Но, и перебор, тоже не улучшает климат. Ведь сколько не имей денег и власти, всё равно умирать. И голым. Даже Македонский это понял, хотя и молодой был. Гроб с дырками для рук заказал, чтобы видели, что владевший миром, умирает ни с чем.

– Правда. Люди просто не слышат, что сами говорят. Слово это означает ДЕНЬ ГИБЕЛИ. Когда у людей появились деньги, началась гибель человечества.

– А, точно. Как я сам не догадался?

– У нас, к сожалению, время для догадок закончилось. Нам надо придумать выход.

– А ты со Стариком поговори

– Это – надо нам решать.

Мы говорили, планировали, спорили ещё долго. Только в третьем часу пришли к какому-то решению. Мне оно показалось обычной глупостью, а Андрею понравилось. Он сказал, что сработает. Не знаю. Не готов оспаривать. Легче дождаться утра и действовать. Может, это не последний день в моей жизни? Ну, почему, сразу последний? Ведь моё время ещё не пришло. Или пришло? Или... Попробую заснуть. Андрея провожу и лягу. Надо помолиться перед сном. Прости меня, Господи, ой как прости...

Утро следующего дня, по моему внутреннему состоянию, напоминало утро стрелецкой казни. Хорошо, чтобы, не моей. Снова крепкий чай, снова сигареты, снова чай и сигареты. Когда сердце собралось выпрыгнуть наружу, и начать жить собственной жизнью, я решил остановиться. Тем более, что уже начало подташнивать. Одевался я, тоже, медленнее обычного. И ведь понимал, что никакая оттяжка не изменит сегодняшнего распорядка дня. Надо встретиться, разговаривать, убеждать и, при этом, остаться целым. Если повезёт. Обидно будет, получив в руки такие деньги, меня... Типун мне на язык! За такие мысли. Надо собраться мыслями, духом, силами, забрать деньги, или что там есть, из банка, прыгнуть в поезд и – куда глаза глядят. Может, не найдут. А если найдут, то проживу немного, как белый человек. А немного, это сколько? Когда живёшь по-людски, то каждой минуте рад.

Вот, болтаю глупости всякие, а ведь знаю, что всё равно поеду по запланированному маршруту и будет всё, о чём договаривались с Андреем – встречи, разговоры, убеждения и, почти никакой возможности, остаться целым. По-моему, я уже об этом думал. Всё. Надо идти.

Я похлопал себя по карманам, проверяя состояние укомплектованности для сегодняшнего дня. Вроде бы, всё взял. Подошёл к входной двери, перекрестился и вышел в мир. Ну, здравствуй, человеческое извращение Божьей идеи. Рассказывай, какие у тебя правила. Давай, поиграем.

На такси я добрался до банка. В помещении я подошёл к молодому менеджеру и, вкратце, объяснил, откуда у него такая радость с утра. То есть – я. Это похоже на шутку? По-моему, похоже. Значит, я ещё держусь. А вот внутри нехорошо бродит адреналин.

Меня проводили в кабинет по обслуживанию таких, как я. Дежурный банковский кабинет. Столы вдоль дальней стены заставлены процессорами, пачками бумаги и факсовыми рулонами. Клерк в костюме и в галстук. Лучше бы в простыне сидел. Не хотят банковские учиться носить красивую одежду. Пиджак на пару размеров больше, чем надо, брюки десятью складками спускаются на туфли с загнутыми носками. Галстук повязан так, что напоминает дохлую селёдку хвостиком вверх. Хотя, для них костюм не часть благородного мужского платья, а униформа.

– Здравствуйте, вы ко мне?

Ёлки зелёные! Так вот к кому я попал с самого утра?! Полицай, собственной персоной! Игрок команды нотариуса. Ай, как мило! То есть, мне – труба.

Я поздоровался и рассказал, почему мне не спится сегодня. Полицай с готовностью полез по папкам искать рукописное Антоново распоряжение. Нашёл быстро, попросил паспорт, сверился с компьютером и, улыбнувшись, сказал:

– Всё в порядке. Ключ у вас?

Зачем он улыбался? Ну, зачем? От такой улыбки настроение резко пошло вниз, и мне очень захотелось в паровоз.

– Да, у меня.

– Тогда, прошу за мной.

Мы вышли из кабинета, прошли операционный зал и спустились в полуподвальное помещение, в котором ровными рядами столы шкафы с ячейками. Наверное, это и есть то, во что кладут то, что хотят сберечь. Понятнее я выразиться не мог, потому, что рядом стоял полицейский и разглядывал меня. Наверное, прикидывал, куда меня укусить побольнее.

– Вы пользовались услугами депозитных сейфов?

В ответ я покачал головой.

– Тогда – смотрите. Вот, сюда вставляете свой ключ. На клавиатуре набираете кодовое слово, и нажимаете «ввод». Разблокируется система основного замка на вашем сейфе. Затем, вы подходите к сейфу, и набираете три последние цифры кода на ключе. Открывается дверца, и вы достаёте оттуда всё то, что вам нужно. Когда вы закончите, на дверце нажимаете красную кнопку и, захлопываете дверцу. Из компьютера автоматически всё стирается. Вы что-нибудь

будете забирать? Если да, то в ячейке, около выхода, есть пакеты для таких случаев. Вы всё запомнили? Когда соберётесь уходить, нажмите на кнопку у двери. Я приду и открою.

Полицай вышел из хранилища. Даже, если, мне ничего не перепадёт из Антоновых денег, я буду с гордостью вспоминать и хвастаться, что в банковское хранилище ходил, как к себе домой.

Я сделал всё по инструкции. Что-то щёлкнуло раз, потом другой раз, и дверца открылась на два миллиметра. Я потянул за утопленную ручку и распахнул сейф, содержимое которого будоражило умы одних, и пристраивало палец на спусковой крючок у других.

Внутри был выдвижной ящик, длинный и серый. Подняв крышку, я увидел конверт, который лежал на пакете, закрывавшем остальное содержимое. Конверт был без подписи, и не заклеен. Я достал сложенную бумагу и прочёл:

«Здравствуй, ещё раз. Здесь, в банке, я оставил для тебя последние инструкции. Нотариусу я не полностью доверяю. Может быть, я – не прав, но, перестраховка не помешает.

Здесь лежат наличные деньги, назначение которых я описал в предыдущем письме. Их лучше забрать, и держать поближе к себе.

В мешочке ты найдёшь ключи от моей квартиры. Побывай там обязательно. В ящике моего стола лежит подарок для тебя. Думаю, он тебе понравится.

Из банковского сейфа забери всё. Буквально. Всё, что там есть, может пригодиться.

Очень надеюсь, что у тебя всё получится. Рассчитывай на лучшее, тогда всё будет хорошо.

Прощай. Антон Рейзбих.»

До похорон я успевал заехать к Антону домой.

Когда я снял пакет, то дыхание у меня, как у вороны из басни, в зобу спёрло. Мать честная! А денег-то! Стройными рядами лежали иностранные президенты, и мило на меня тарасились. В одном месте я никогда не видел такого количества денег. Ну, разве что в кино.

Подходящий пакет я нашёл и аккуратно переложил в него всю сумму. Может мне прямо сейчас взять, и нанять поезд до самого дома? Денег хватит, чтобы с ветерком. Вдруг, ветерок, пропал. На самом дне ящика лежал пистолет. Такой же Макаров. С двумя запасными обоймами, и коробочкой патронов. Тихо и спокойно лежал. Вот оно единство противоположностей. Где большие деньги, там обязательно будет оружие. Чтобы защищать эти деньги, или добывать их. Может, не трогать пистолет? А, вдруг, пригодится? Тогда, надо брать. Но, это, как минимум, статья. Вот, блин, попал! Ладно. Будь, что будет. Возьму. Вроде аргумента в споре.

Я позвонил в звонок, и через минуту за мной пришёл полицай. Но, какой-то, уже не страшный, даже когда улыбается. У меня ведь, кое-что, в кармане есть!

Он вывел меня на верх и предложил вызвать такси. Потом предложил помощь охранника, чтобы до него дойти. Отказываться было глупо.

Отъехав от банка, я первым делом купил в ближайшем магазине приличную сумку. Теперь я снова был похож на среднестатистического гражданина, и мог спокойно, насколько это в моей ситуации было возможно, передвигаться.

Дорога от банка оказалась длиннее, чем я предполагал. По пути нам попался мост, что, было, совсем не лишним. Под мостом речная вода успокоительно жила своим движением, снимая нервную грязь с людей, и унося её подальше, постепенно растворяя её в своей полноводности. Мне даже захотелось остановиться и, как в прошлый раз, постоять и посмотреть на текущую под мостом воду. Несколько минут я могу себе позволить... Я попросил водителя остановиться.

– А мы не спешим?

– Мы можем опоздать на всю жизнь, – сказал я, не подумав, что водитель не поймёт меня совершенно. Ну, и ладно.

Я облокотился на перила мостового ограждения, и закурил. Итак. Теперь спокойно расставляем все события по своим местам. Если полицейский в команде с нотариусом, то последний уже знает, что деньги из банка я забрал все. Это раз. Что даёт Аронову это известие? Очень много. Проследить за моим передвижением и забрать эти деньги. А как забрать? Думаю, что отморожки поедут за мной следом и, при первой возможности, кинут меня в машину и отвезут к Аронову. И у него будут все документы по студии, и акционные деньги обоих городских сумасшедших. Следовательно разобьёт свой кулак о мою морду, и я всё подпишу. Хотя, я, и не знаю, каков мой болевой порог, но, не уверен, что высокий. Потом, меня, можно пристрелить, гденибудь на травке, и попаду я к знакомым санитарам. Или дадут мне сотню долларов, и отпустят домой. В обоих случаях – я им, уже, не помеха. Ещё варианты есть? Есть. Два. Первый. Добраться до Ковальца и Соколова раньше, чем до меня доберётся Аронов. И второй. Мужественно отбиваться от врагов. Даже отстреливаться. А последний патрон оставить для себя. И со словами: «Так, не доставайся же ты никому!», снести себе затылок. Хотя, стоп! Аронову никоим образом не выгодно меня оставлять в живых. Если я перепишу документы на него, то, он, подумает, что я пойду и пожалуюсь на него, и его нечестную игру остальным заинтересованным. Тогда, выйдет, что Аронов, их, кинул. Вот и выходит, что нужно меня убрать. А чего это я сам себя уговариваю? А вдруг, Аронов, играет с кем-то в паре, дуплетом? Так, что для меня во всём этом полезного? Только встреча с Ковальцом и Соколовым. Но, ведь, и после встречи Аронов может меня кончить? С покойника какой спрос? Что делать? Ничего. Спокойно ехать к Антону на квартиру, и внимательно смотреть по сторонам. Если будет тяжело, Андрей должен помочь. Больше ничего я не смогу сделать. Только по плану Андрея поступать. Надо помолиться перед поездкой. «Отче наш...» Ну что я за балбес такой, а? Читаю молитву, а в руке сигарета. «Прости, Господи, раба твоего, не по злему умыслу сие, токмо, по скудоумию».

Всё. Надо ехать. Шутки кончились.

Дом, где жил Андрей, был, как теперь говорят, элитной новостройкой. Красивый фасад, гаражный пандус, цветник, охрана у ворот. Всё – по-взрослому. Как говорит мой друг: «Понавыучивались делать».

Я предложил таксисту подъехать снова, к дому, минут через сорок, и забрать меня. Посулил пощеднее расплатиться. Вроде мужик сговорчивый.

Охрана пропустила. Войдя в парадную, я попал под перекрёстный огонь консьержа и, видимо, председателя домкома. Объяснение длилось минут пять, но, подозрение в их глазах, не исчезло. Кое-как меня пропустили, но я, тут же, вернулся обратно.

– Господа! У меня два предложения. Или одно, но, с двумя вариантами ответа. Меня интересует лицо, которому я смогу платить за его личную заинтересованность в сохранности этой квартиры? Или мне лучше поставить её на пульт в милицию?

Домком Швондер (а как такого жука ещё назвать?), взял меня под локоток и повёл к лифту.

– Такие официальные вопросы не стоит решать при посторонних, вы меня понимаете? Консьерж у нас на испытательном сроке, мы ещё не полностью взяли его на работу. Думаю, что вам лучше со мной иметь дело, вы понимаете?

– Я понимаю. Я скоро уеду по делам, а мне надо быть уверенным, что с квартирой всё в порядке. Мы договоримся? Или договорились?

– Договорились. Только консьержу знать об этом ни к чему, вы понимаете? Да, чуть не забыл. Квартира опечатана.

Вот, гадство! Я совсем не подумал об этом. Из головы, просто, вылетело! Конечно же, собственность убитого опечатывают сразу и до конца следствия, или до появления родственников. И, что делать?

– Вы понимаете, если я буду нести ответственность за ваше жильё, то я могу снять опечатку. Я, ведь, сам её поставил. Мне здесь все доверяют, вы, ведь, меня, понимаете?

– Предлагаю следующее. Вы на тридцать-сорок минут совершаете должностной проступок. Так? А мне надо знать, в какую сумму я буду вам благодарен.

Домком показал мне три пальца. Ах, ты, сукин сын! Ладно, будь по-твоему.

– Вот, пожалуйста. Только, ведь, ничего не было, так?

– Где не было?

– Замечательно. И ещё одна просьба. Вдруг, сейчас, кто-нибудь захочет меня проведать. Всё равно кто. Пусть консьерж позвонит мне, и скажет о посетителях, хорошо?

– Сейчас распоряжусь.

– Мне надо будет увидеться с вами перед уходом. Где вас найти?

– Я буду внизу.

Я сел в кабину лифта и поднялся на третий этаж. На лестничной площадке было три квартиры. Каждая, из трёх квартирных дверей, являла собой образец прикладного искусства. Резьба по дереву, с хитроумными завитушками квартирные номерки, подсветка, видеонаблю-

дение, домофоны и крючки для сумок. Я представил, сколько это может стоить. Я бы, таких, не ставил. А, ну да, Антон уже поставил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.